

АБДЕРИТЫ.

КНИГА ПЯТАЯ.

или

Лягушки Латонины.

ГЛАВА I.

Первой источникъ бѣдствія, сопровождаемаго наконецъ паденіемъ Абдеритской республики. Политика настоятеля Агатирса. Онъ учреждаетъ особой публичной прудъ для лягушекъ. Ближайшія и отдаленнѣйшія слѣдствія сего новаго заведенія.

Республика Абдеритская послѣ столькожъ опасныхъ, сколько — благодареніе бдительному ея Генію! — щастливо окончившихся движеній по причинѣ

тѣни ослиной наслаждалась совершеннымъ спокойствїемъ, внутреннимъ и внѣшнимъ; и естьлибъ натуральнымъ образомъ возможно было, чтобъ Абдериты могли долго быть благополучными: то судя по наружности надлежало бы думать, что благосостоянїе ихъ будетъ весьма прочно. Но по нещастїю ихъ, готовилась имъ непримѣтно погибель отъ нѣкоей причины, для всѣхъ ихъ сокрытой — отъ врага, тѣмъ опаснѣйшаго, что они носили его въ собственной головѣ своей.

Абдериты (какъ мы знаемъ) съ незапамятуемыхъ временъ покланялись *Латонѣ*, яко покровительствующей своей богинѣ.

Хотя и можно по справедливости опорочивать служенїе

Латонѣ; однако оно было ихъ народною и государственною религіею, дошедшею къ нимъ по наслѣдству отъ ихъ предковъ; и они въ семъ случаѣ заблуждали не болѣе всѣхъ прочихъ народовъ Греческихъ. Не въ томъ сила была, покланяться ли Минервѣ, такъ какъ дѣлали то Аѳиняне, или Юнонѣ, какъ Самосцы, или Діанѣ, какъ жители Ефескіе, или Граціямъ, какъ Орхомены, или покланяться Латонѣ: они долженствовали имѣть какую нибудь религію, и въ недостаткѣ лучшей, всякая была превосходнѣе, нежели совсѣмъ никакая.

Однако служеніе Латонѣ могло бы состоять и безъ освященнаго пруда лягушекъ. Зачемъ къ простой вѣрѣ древнихъ Теянъ, ихъ предковъ, присоеди-

нять толь опасные обряды? За чѣмъ имѣть лягушекъ Латониныхъ, когда самую Латону имѣли? — Или естьли имъ и нуженъ былъ явной памятникъ чуднаго превращенія Ликійскихъ земледѣльцовъ для подкрѣпленія Абдеритской ихъ вѣры: то полдюжины набитыхъ лягушечьихъ чучелъ, съ прекрасною золотою надписью, въ притворѣ храма Латонина, покрытыхъ богатою парчею, и ежегодно съ надлежащею церемоніею представляемыхъ народу для зрѣнія, не оказали ли бы воображенію его такой же услуги?

Демокритъ, доброй согражданинъ ихъ, но по нещастію такой человѣкъ, которому ни въ чемъ вѣрить было не можно, потому что его обнесли, будто бы онъ самъ ничему не

вѣрилъ, живучи между ими, говаривалъ иногда: *что не льзя тамъ сдѣлать добра, гдѣ замѣшаны лягушки*; и поелику слухъ его, по дватцатилѣтней отлучкѣ, къ сладкогласію *брекекекекъ ква ква*, которое въ Абдерѣ денно и ночно отдавалось въ ушахъ, не столько привыкъ, сколько грубыя уши его единоземцовъ: то онъ дѣлалъ имъ нѣсколько разъ сильныя представленія противъ набожности ихъ въ разсужденіи лягушекъ, и не однократно, то въ шуткахъ, то въ важномъ тонѣ предсказывалъ имъ, что когда они не возьмутъ мѣръ заблаговременно, квакающіе сограждане выквакаютъ ихъ напослѣдокъ изъ Абдеры. Тѣ, кои были познатнѣе, могли шутки въ разсужденіи сей матеріи сносить весь-

ма удобно; ибо они по крайней мѣрѣ не хотѣли слыть такими, которые о лягушкахъ Латониныхъ больше думаютъ, нежели самъ Демокритъ. Но то худо было, что ни насмѣшками, ни важными словами не могъ онъ довести ихъ до того, чтобъ они разсудили о дѣлѣ съ лучшей стороны. Когда онъ шутилъ, то шутили и они вмѣстѣ; когдажъ онъ говорилъ съ важностію, то они смѣялись надъ нимъ, что онъ *о такомъ дѣлѣ* важно могъ разсуждать. И такъ, не смотря на противоположенія, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ упомянутомъ, все оставалось въ Абдерѣ — *по старому.*

Между тѣмъ въ Демокритовы времена примѣчена была нѣкоторая *холодность* къ ля-

гушкамъ между благороднымъ юношествомъ Абдеритскимъ. Заподлинно извѣстно, что жрецъ *Стробилъ* сильно жаловался на то, что большая часть лучшихъ домовъ лягушечьи пруды, ими издавна въ садахъ своихъ держанные, непримѣтно запускали, и что простолюдимы почти остаются одни, кои въ семъ случаѣ привержены еще къ похвальному древнему обычаю, и благоговѣнiе свое къ освященному пруду обнаруживаютъ добровольными вкладами.

При таковыхъ обстоятельствахъ кто бы подумалъ, чтобъ именно тотъ изъ всѣхъ Абдеритовъ, на котораго отнюдъ не могло пасть подозрѣнiе, будтобъ онъ страдалъ *набожностiю въ разсужденiи лягушекъ* — кра-

тко сказать, чтобъ настоятель *Агатирсъ* вскорѣ по прекращенiи вражды между *ослами* и *тѣнями* воспламенилъ снова въ Абдеритахъ прохолодѣвшiй жаръ ихъ къ лягушкамъ.

Однако не льзя умолчать о семъ странномъ противорѣчiи между внутреннимъ его увѣренiемъ и его наружнымъ поступкомъ; и естьлибъ мы уже не увѣдомлены были о расположенiи его мыслей, то оной поступокъ едва ли бы объяснить было можно. Но мы сего жреца знаемъ какъ человѣка честолюбиваго. Онъ во время послѣднихъ безпокойствъ видѣлъ себя предводителемъ сильной стороны, а потому и не имѣлъ охоты, промѣняться симъ удовольствiемъ на меньшую утѣху, нежели каково было продолжи-

тельное влїянїе во всю успокоившуюся опять республику — которое влїянїе не могъ онъ получить другимъ надежнѣйшимъ средствомъ, какъ великою *снисходительностїю къ народу*, и угожденїемъ предразсудкамъ онаго; а сїе стоило ему *труда* тѣмъ менѣе, что онъ (какъ многїе ему подобные) религїю почиталъ единственно *орудїемъ политики*, и внутренно былъ крайне равнодушенъ къ тому, лягушки ли, совы или бараньи овчины (подъ названїемъ златаго руна) доставляли бы ему свободнѣйшее и безопаснѣйшее удовлетворенїе любимымъ страстямъ его.

И такъ, дабы *безъ всякаго труда* прїобрѣсть себѣ могущество и важность въ народѣ, не токмо выгналъ онъ вскорѣ

по окончанiи междоусобiя тѣхъ аистовъ, на коихъ *лягушечьи смотрители* приносили жалобу, изъ всѣхъ округовъ и околодковъ Язонова храма; но и въ угожденiи новымъ друзьямъ своимъ простирался до того, что среди площади (опредѣленной однимъ изъ его предковъ для всенароднаго гульбища) велѣлъ вырыть каналъ, и для разводу въ немъ лягушекъ выпросилъ съ великою учтивостiю у главнаго жреца Стробила нѣсколько бочекъ съ лягушечьимъ клекомъ, кои по принесенiи Латонѣ торжественной жертвы и отвезены къ нему въ сопровожданiи всего Абдерскаго народа съ великолѣпными обрядами.

Съ того дня Агатирсъ былъ идоломъ народа, и прудъ для

лягушекъ, благовременно заведенный, доставилъ ему то, чего бы онъ никогда не могъ получить со всею своею политикою, краснорѣчіемъ и щедростію. Онъ не входя ногою въ градскую думу, властвовалъ неограниченно въ Абдерѣ какъ Царь; и поелику онъ Совѣтниковъ и цеховыхъ мастеровъ угощалъ всякую недѣлю раза по два или по три столомъ, и внушалъ имъ повелѣнія свои не иначе, какъ въ полныхъ стаканахъ самаго вкуснаго вина: то никто не могъ произнести что-либо противъ толь любви достойнаго тиранна. Между тѣмъ сіи господа все еще думали, что они въ ратушѣ подаютъ собственное свое мнѣніе, хотя голоса ихъ были токмо эхомъ рѣшеній, сочиненныхъ за день

предъ тѣмъ за обѣдомъ у первенствующаго настоятеля.

Агатирсъ былъ первой, которой между пріятелями своими смѣялся новому своему заведенію. Но народъ того не слышалъ. И поелику примѣръ его въ дворянахъ Абдеритскихъ дѣйствовалъ болѣе, нежели его шутки: то надлежало бы только посмотрѣть, какъ они взапуски и наперерывъ одинъ предъ другимъ, для оказанія равномѣрныхъ знаковъ благопривѣтливости своей къ народу, старались, либо высохшіе лягушечьи пруды въ садахъ своихъ опять возстановить, либо выкопать тамъ новые, гдѣ еще никакихъ не было. А какъ въ Абдерѣ всѣ глупости были прилипчивы, то никто не освободился и отъ сей послѣдней.

Сначала была она только модою. Гражданинъ съ нѣкоторымъ достаткомъ вмѣнилъ бы себѣ за стыдъ, уступить въ семъ случаѣ знатнѣйшему и зажиточнѣйшему своему сосѣду. Но непримѣтно сдѣлалась оная глупость необходимою *принадлежностїю* всякаго добраго гражданина, и кто не могъ бы показать по крайней мѣрѣ хотя малаго садка для лягушекъ, того объявили бы врагомъ Латоны и измѣнникомъ отечества.

При толь жаркомъ ревнїи особъ партикулярныхъ легко догадаться можно, что Сенатъ, цехи и прочїя присудственныя мѣста были не послѣднія въ изъявленїи Латонѣ равномѣрныхъ опытовъ своей приверженности. Каждой цехъ велѣлъ выкопать собственной свой садокъ

для лягушекъ. На каждомъ публичномъ мѣстѣ въ городѣ, даже предъ самою ратушею (гдѣ бабы торгующія зеліемъ и яицами безъ того довольно производили шуму), вырыты были на сей конецъ большіе тростникомъ и дерномъ окруженные водоемы или бассеины; и управа благочинія, которой наипаче препоручено было пещись о *благолѣпіи и украшеніи города*, вздумала напослѣдокъ, въ алеяхъ, кои вокругъ Абдеры простирались, провесть по обѣимъ сторонамъ каналы, и насажать туда лягушекъ. Планъ сей предложенъ былъ Совѣту, и принятъ онымъ безъ всякаго противорѣчія; для снабдѣніяжъ сихъ каналовъ и другихъ лягушечьихъ прудовъ всенародныхъ потребною водою, найдено за нужное

отвесть почти совсѣмъ теченіе рѣки Нестуса. Ни великія издержки, кои по причинѣ всѣхъ оныхъ предпріятій долженствовало употребить казначейство, ниже многоразличной вредъ, могущій произойти отъ помянутаго отвода рѣки, не были уважены ни мало; и когда нѣкто изъ Совѣтниковъ сказалъ мимоходомъ, что Нестусъ скоро изсякнетъ — то вскричалъ одинъ *лягушечій смотритель*: тѣмъ лучше! Тогда будемъ имѣть новой пространной прудъ для лягушекъ, которой не станетъ республикѣ ни въ шелегъ.

При сей — въ одной Абдерѣ токмо возможной — ревности *къ украшенію города посредствомъ прудовъ лягушечьихъ* выигрывали болѣе всѣхъ жрецы храма Латонина. Ибо не смо-

тря на то, что они клекъ изъ освященнаго пруда весьма дешево продавали, а именно Абдеритскую мѣру называемую *ціатомъ*, токмо за двѣ драхмы: однакожъ нѣкто смекнулъ, что въ первыхъ двухъ или трехъ годахъ, когда умоизступленіе дѣйствовало въ вы окомъ степени, выручили они слишкомъ до пяти тысячь *дариковъ*. Кажется намъ, что сумма сія при всемъ томъ весьма увеличена; хотя не льзя отрицать, что они за клекъ, отпускаемой республикѣ, получали изъ строевой казны двойную плату.

Впрочемъ во всей Абдерѣ никто не подумалъ о слѣдствіяхъ сего превосходнаго учрежденія. Слѣдствія, по обыкновенію, оказывались сами собою. А какъ оныя не вдругъ обна-

ружились, то не только прошло много времени, пока оныя были примѣчены; но и когда наконецъ сдѣлались такъ очевидными, что усмотрѣны были даже Абдеритами: то сіи, не смотря на извѣстное ихъ остроуміе, не могли добраться до источника оныхъ. Абдеритскіе врачи ломали себѣ головы, дабы доискаться, отъ чего происходитъ, что насморкъ, простуда и другія всякаго рода головныя болѣзни усиливались годъ отъ году, и становились такъ упорными, что все врачебное ихъ искусство и весь чихательной корень въ Антицирѣ отъ помянутыхъ болѣзней не излѣчали. Кратко сказать, Абдера со всѣми окрестностями своими превращена была почти во всеобщій необо-

зримой лягушечій прудъ, прежде нежели кому-либо изъ философовъ ихъ вспало на умъ, предложить запросъ: не дѣлаетъ ли можетъ быть безпредѣльное *размноженіе лягушекъ* болѣе вреда, нежели сколько выгоды отъ нихъ ожидаемыя когда либо оной замѣнить могутъ?

ГЛАВА II.

Характерѣ философа Коракса. Извѣстія объ Академіи наукѣ вѣ Абдерѣ. Кораксѣ предлагаетѣ вѣ оной щекотливой запросѣ, касательно до лягушекѣ Латониныхѣ, и дѣлается самѣ предводителемѣ противоборцовѣ лягушкамѣ. Поступокѣ Латониныхѣ жрецовѣ вѣ разсужденіи сей секты, и какѣ они принуждены были признать ее безвредною.

Достопримѣчательной умъ, прежде всѣхъ сдѣлавшій наблюденіе, что лягушки въ семомъ дѣлѣ слишкомъ усилились въ Абдерѣ, и отнюдъ несоразмѣрны числу и потребностямъ жителей, назывался *Кораксомѣ*. Сей молодой человѣкъ происходилъ изъ знатнаго дому, жилъ

нѣсколько лѣтъ въ *Аѳинахъ*, и въ Академіи (такъ какъ называлось учрежденное *Платономъ* философское училище) занялъ такія правила, кои *лягушкамъ* Латонинымъ не весьма благопріятствовали. Правду сказать, *сама Латона*, по причинѣ пребыванія его въ Аѳинахъ потеряла въ немъ много, такъ что не удивительно было, когда онъ къ лягушкамъ ея не могъ имѣть всего того уваженія, какое требовалось отъ справедливо мыслящаго Абдерита. „Каждая красивая женьщина есть богиня, говаривалъ онъ обыкновенно: по крайней мѣрѣ богиня сердецъ; и Латона безспорно была женьщина прекрасная; но какое намъ дѣло до *лягушекъ*, и — естьли только разобрать здравымъ человѣческимъ разсудкомъ — какое

наконецъ до лягушекъ дѣло самой *Латонѣ*? Положимъ также, что богиня — къ которой впрочемъ имѣю столько благоговѣнія, сколько должно имѣть къ женьщинѣ красивой — положимъ, что она лягушекъ отлично предъ всѣми другими гадами и несѣкомыми приняла въ особое свое покровительство: слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ лягушкамъ дать волю *расплодиться до безконечности*?

Кораксъ, начавшій такъ умствовать, былъ членомъ Академіи, которая въ Абдерѣ учреждена была въ подражаніе Аѳинской. Ибо Абдериты, какъ мы знаемъ, издавна затѣяли все перенимать у Аѳинянъ. Сія Академія была небольшая роща съ просѣченными въ ней дорожками, и находилась близко го-

рода; а какъ она состояла подъ вѣдомствомъ Сената, и заведена была на иждивеніи общественной казны, то *управа благочинія* не преминула, ее обильно снабдить *лягушечьими прудами*. Члены Академіи хотя не рѣдко отъ сихъ квакающихъ соловьевъ находили помѣху въ глубокомысленныхъ своихъ размышленіяхъ. Однако какъ сіе самое случилось бы и во всякомъ другомъ мѣстѣ внутри и внѣ города Абдеры; то они всегда сносили то съ терпѣливостію; или лучше сказать, къ пѣснямъ лягушекъ привыкли въ Абдерѣ такъ, что слышали ихъ не болѣе, какъ жители *Катадупы* слышатъ паденіе Нила по порогамъ, по близости коихъ имѣютъ они свои домы, или жители другаго какого-либо водопада въ свѣтѣ.

Однако Коракс, коего уши во время пребыванія его в Аѳинах получили чувствительность, свойственную всѣм здравым ушам человѣческим, совсѣм не мог привыкнуть. И так никому не покажется удивительным то, что он еще при первом засѣданіи, на коем присутствовал, сдѣлал слѣдующее остроумное замѣчаніе: он думает, что сова Минервина несравненно имѣет больше качеств, достойных чрезвычайнаго члена Академіи, нежели лягушки Латонины. — „Я не знаю, государи мои, как *вы* об этом судите, примолвил он; но мнѣ кажется, что лягушки с нѣскольких лѣт весьма непонятно умножились в Абдерѣ.„

Абдериты были народ несмысленной, как мы всѣ знаем;

и можетъ быть не находилось въ свѣтѣ другаго, которой бы оспорилъ ему преимущество въ особомъ свойствѣ, „*быть близорукимъ*, или по пословицѣ: *за деревьями не видать лѣсу*„ Однакожъ надлежало отдать имъ ту справедливость, что какъ скоро приходило изъ нихъ кому либо на умъ, сдѣлать замѣчаніе, которое каждой другой могъ бы также сдѣлать, хотя никто онаго до него не дѣлывалъ: то казалось, что всѣ пробуждались вдругъ какъ бы отъ долговременнаго сна, удивлялись учиненному открытію, и почитали себя весьма обязанными тому, кто пособилъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчали *члены Академіи*, лягушки съ нѣкотораго времени весьма умножились.

„Когда я сказалъ,„ весьма непонятно, „(продолжалъ *Кораксъ*) „то я отнюдъ не разумѣлъ, будто бы въ ономъ случаѣ находилось чтолибо вышеестественное. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего понятнѣе, какъ *то*, *что* лягушкамъ надлежало до безконечности расплодиться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ приняты для разведенія ихъ мѣры подобныя Абдеритскимъ; непонятное, по мнѣнію моему, состоитъ единственно въ томъ, какъ Абдериты могутъ быть столь слабоумны, чтобъ принять оныя мѣры?„

Всѣ члены Академіи остолбенѣли *при вольныхъ* словахъ сихъ, смотрѣли другъ на друго и казалось, были въ нерѣшимости, что имъ о томъ думать

„Я говорю только по человѣчески,“ сказалъ *Кораксъ*.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, продолжалъ *Предсѣдатель Академіи*, который былъ Совѣтникомъ и однимъ изъ *Десятоначальниковъ*; однако Академія поставляла себѣ доселѣ закономъ, лучше совсѣмъ не трогать такихъ матерій, при которыхъ разумъ весьма удобно преткнуться можетъ. —

„Академія Аѳинская не поставляла себѣ никогда такого закона, прервалъ его рѣчь Кораксъ; естьли не льзя обо всемъ философствовать, то не надобно уже философствовать — *совсѣмъ ни о чемъ*.“

Обо всемъ, продолжалъ Предсѣдатель съ сомнительнымъ видомъ, только не о Латонѣ, и —

Ея лягушкахъ? — примолвилъ Кораксъ улыбаясь. Сїе действительно было то, что Президентъ сказать хотѣлъ; но при словѣ *и* запнулся, какъ будтобъ противъ воли почувствовалъ, что намѣревается сказать нелѣпость; и такъ онъ вдругъ остановился отворя ротъ, и предоставилъ Кораксу, дополнить оную рѣчь.

„Каждая вещь можетъ разсматривана быть съ весьма многихъ сторонъ и въ разныхъ отношенїяхъ, продолжалъ Кораксъ; и сїе-то именно упражненїе, кажется мнѣ, приличествуетъ философу, и отличаетъ его отъ глупой и безразсудной толпы народной. Лягушки наши, на примѣръ, могутъ разсматриваны быть, какъ *лягушки во-*

обще и какъ *лягушки Латонины*. Будучи лягушками вообще, онѣ не больше и не меньше суть лягушки, какъ и другія. Отношеніе ихъ къ Абдеритамъ есть почти то же, какое всѣхъ прочихъ лягушекъ ко всѣмъ прочимъ людямъ; и *по тому* не можетъ быть ничего невиннѣе сего изслѣдованія, состоитъ ли на примѣръ *количество лягушекъ* въ какомъ государствѣ въ надлежащей соразмѣрности къ *количеству народа*, или нѣтъ? И — естьлибъ нашлось, что оное государство долженствуетъ лягушекъ кормить болѣе, нежели сколько ихъ для онаго надобно — не можетъ быть ничего невиннѣе предложенія полезнѣйшихъ средствъ къ уменьшенію излишняго ихъ множества „

Коракс говоритъ умно, сказали *нѣкоторые молодые Академики.*

„Я говорю объономъ дѣлѣ только по человѣчески,„ отвѣчалъ *Коракс.*

Я бы желалъ лучше, чтобъ мы совсѣмъ не входили въ эту матерїю, молвилъ *Председатель.*

Сїя искра была первая, которую Кораксъ заронилъ въ разгоряченныя головы нѣкоторыхъ молодыхъ Абдеритскихъ умозрителей. Непримѣтно сдѣлался онъ главою и предводителемъ такой философской секты, о правилахъ и мнѣнїяхъ которой говорено было въ Абдерѣ не весьма выгодно. Ее не безъ основанїя обвиняли, что она не только между собою, но и даже въ большихъ обществахъ и на

гульбищахъ всенародныхъ утверждала, что „не льзя точно до„казать, почему лягушки Ла„тонины суть достойнѣе ля„гушекъ обыкновенныхъ; слухъ,
„будто бы онѣ происходятъ
„отъ Милитскихъ превращен„ныхъ земледѣльцовъ, есть вздор„ная народная сказка; и самое
„древнее преданіе, по которому
„Юпитеръ Милитскихъ земле„дѣльцовъ за то, что они Ла„тонѣ съ *близнятами* ея не
„дали напиться изъ своего пру„да, превратилъ въ лягушекъ,
„есть нѣчто такое, въ чемъ
„всеконечно сомнѣваться можно,
„не погрѣшая при томъ про„тивъ Юпитера или Латоны.
„Какъ бы то ни было, не лѣпо
„однакожъ, изъ уваженія къ
„прекрасной Латонѣ, претво„рять весь городъ и республику

„Абдеру въ лягушечье боло-
„то.„ — Таковыя и другія мно-
гія утвержденія помянутой сек-
ты, сколь ни кажутся намъ въ
нынѣшнія времена простыми и
соотвѣтствующими здравому
разсудку, приняты однакожъ
въ Абдерѣ, особливо ушами Ла-
тониныхъ жрецовъ весьма *худо* и
навлекли на философа Коракса
и его сообщниковъ ненавистное
имя *батрохомаха* или *противо-
борца лягушкамъ*; котораго ти-
тула стыдились они тѣмъ ме-
нѣе, что имъ удалось почти
всѣхъ *молодыхъ* и *прекрасныхъ*
особъ заразить своимъ вольно-
думствомъ.

Жрецы Латонина храма и
лягушечьи приставы не преми-
нули при каждомъ случаѣ изъ-
яснять свое неудовольствіе въ
разсужденіи вѣтреной остро-

ты противоборцовъ лягушкамъ; и главной жрецъ *Стробилъ*, по сему поводу, умножилъ свою книгу о древностяхъ храма Латонина пространною главою о свойствѣ Латониныхъ лягушекъ. Между тѣмъ они имѣли весьма натуральную причину оставаться покойными; а именно причину ту, что не смотря на вольнодумство относителъно къ лягушкамъ, которое Кораксъ въ Абдерѣ ввелъ въ *моду*, не убавилось ни одного лягушечьяго пруда ни внутри ни внѣ города противъ прежняго. Философъ Кораксъ и единомышленники его по хитрости своей замѣтили, что они свободу, о лягушкахъ *отзыватся* явно и не обинуясь, не могутъ купить дешевлѣ, какъ естьли касательно до *исполненія* посту-

пать будутъ точно также, какъ и всѣ другіе люди. Да и благоразумной Кораксъ, за которымъ болѣе всѣхъ смотрѣли, почелъ за полезное показывать лучше излишество, нежели недостатокъ въ набожности: и по тому вскорѣ по принятіи его въ Академію завелъ на доставшейся ему по наслѣдству землѣ одинъ изъ самыхъ лучшихъ прудовъ, насажавъ туда нарочитое множество прекрасныхъ тучныхъ лягушекъ, изъ коихъ онъ за каждую заплатилъ жрецамъ по четыре драхмы. За сію учтивость духовныя особы, сколь ни мало могли почитать себя обязанными, не преминули, какъ *за подачіе хорошаго примѣра*, *казаться* благодарными; особливо когда сей самой поступокъ служилъ до-

статочнымъ предлогомъ къ увѣренїю тѣхъ, кои могли бы соблазниться его вольнодумствомъ и острыми рѣчами, *что онъ въ самомъ дѣлѣ не такъ мыслитъ.* Языкъ его гораздо хуже его сердца, говаривали они обыкновенно: онъ хочетъ слыть такимъ человѣкомъ, которой имѣетъ столько ума, что не можетъ думать, такъ какъ другїе люди: и это есть одно только *притворство.* Естьлибъ онъ внутренно не удостовѣренъ былъ въ лучшемъ, то за чѣмъ бы ему вольныя мысли свои опровергать своими поступками? Должно о такихъ людяхъ судить не по тому, что они говорятъ, но по *тому,* что они дѣлаютъ.

Однакожъ при всемъ томъ не льзя отрицать, что Кораксъ

подъ рукою затѣвалъ важной планъ, а именно, подобно новому Геркулесу, Тезею или Тармодію, *освободить свое отечество отъ — лягушекъ*, которыя оному, какъ онъ обыкновенно отзывался, угрожали большимъ бѣдствіемъ, нежели каковое всѣ чудовища, хищники и тиранны, отъ коихъ *помянутые герои* освободили свое отечество, могли бы когда либо причинить во всей Греціи.

ГЛАВА III.

Нещастной случай понуждает Сенат войти в сведѣніе о чрезмѣрном множествѣ лягушек в Абдерѣ. Неосторожность Совѣтника Меидія. Большинство голосов опредѣляет потребовать мнѣнія от Академіи. Номофилакс или блюститель законов Гипсибоас представляет против сего опредѣленія, и приводит верховнаго жреца Стилбона в движеніе.

Безпокойство, претерпѣваемое Абдеритами от ужаснаго размноженія священных их лягушек, увеличивалось между тѣм со дня на день болѣе, и тогдашній Архонт *Онокрадій* (племянник славнаго Онолая, и правду сказать, са-

мой слабоумнѣйшій, каковой когда либо правилъ кормиломъ республики) не могъ уговоренъ быть, чтобъ оное дѣло предложить Сенату — пока при одномъ великолѣпномъ торжествѣ, во время котораго Совѣтъ и все гражданство долженствовало предпріять шествіе по главнымъ улицамъ, случилось нещастіе то, „что дюжины двѣ лягушекъ, кои далеко заползли отъ своихъ болотъ, въ тѣснотѣ народной были растоптаны, и не смотря на всякое самоскорѣйшее имъ пособіе, бѣдственно лишились жизни.

Сіе происшествіе казалось толь сомнительнымъ, что Архонтъ увидѣлъ себя принужденнымъ, повѣстить чрезвычайное собраніе Сената, дабы посовѣтоваться, какое городъ дол-

женъ сдѣлать удовлетворенiе Латонѣ за сiе хотя неумышленное, однако крайне опасное *нарушенiе святыни*, и какими средствами можно предохранить себя впредь отъ подобнаго нещастiя?

Послѣ того какъ долгое время предлагаемы были многiя Абдеритскiя нелѣпости объ ономъ дѣлѣ, молвилъ наконецъ Совѣтникъ *Мейдiй*, родственникъ и сообщникъ Философа Коракса: „Я не понимаю, для „чего вы объ ущербѣ нѣсколь„кихъ лягушекъ можете заво„дить столь много шуму. Каж„дой увѣренъ, что это былъ „такой случай, за которой Ла„тона никакъ не можетъ на „насъ прогнѣваться; и когда „судьба, располагающая богами, „людьми и лягушками, возымѣ-

„рилась при семъ случаѣ опре-
„дѣлить погибель нѣсколькихъ
„квакающихъ тварей: то пусть
„бы ихъ вмѣсто дватцати че-
„тырехъ тмами темъ погибло!„

Въ цѣломъ Сенатѣ не было можетъ *быть* пятерыхъ, кои бы *дома* у себя, или въ гостяхъ, (по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ *Кораксъ* учинилъ первое открытіе) тысячу кратъ не жаловались на чрезвычайное размноженіе лягушекъ. Однако какъ въ полномъ Сенатѣ никогда еще о томъ не говорено было ни слова, то каждой удивлялся продерзости Совѣтника Меидія, не иначе, какъ будтобы сей задѣлъ по горлу самую Латону. Нѣкоторые старики казались такъ испуганными, какъ будтобъ ожидали, что товарищъ ихъ

за сїи наглыя рѣчи тогдажъ оборотится въ лягушку.

„Я чувствую всякое подобающее уваженїе къ пруду освященному„ (продолжалъ *Меидїй* весьма хладнокровно, примѣтя ужасъ на всѣхъ лицахъ); „но „я ссылаюсь на внутреннее „удостовѣренїе всѣхъ людей, „коихъ природной разумъ еще „не совсѣмъ загрубѣлъ, можетъ „ли кто изъ насъ безъ стыда „отрицать, что число лягу„шекъ въ Абдерѣ возрасло до „безконечности?„

Между тѣмъ Совѣтники оправились опять отъ перваго своего изумленїя; усмотрѣвъ же, что Меидїй все еще оставался въ собственномъ своемъ видѣ, и могъ безъ наказанїя выговорить то, что они внутренно всѣ принимали за истинну: на-

чали одинъ за другимъ признаваться; и спустя нѣсколько времени оказалось, что Сенатъ единогласно былъ слѣдующаго мнѣнія: *желательно бы было, чтобъ лягушекъ въ Абдерѣ поубавилось.*

Не льзя уже въ собственномъ своемъ домѣ отъ нихъ уберечься, сказалъ одинъ. — Не можно пройти по улицѣ, не подвергаясь опасности, при каждомъ шагѣ наступить на одну или двѣ изъ нихъ, сказалъ другой. — Должно бы было еще съ самаго начала ограничить вольность въ разведенiи лягушечьихъ прудовъ, сказалъ третiй. — Естьлибъ я тогда былъ въ Сенатѣ, какъ положено учредить общественной прудъ для лягушекъ, то бы я никакъ не подалъ на то своего голоса, ска-

залъ четвертой. — Но ктожъ бы и подумалъ, что лягушки въ нѣсколько лѣтъ расплодятся толь неимовѣрно? сказалъ пятой. — Я предвидѣлъ это, сказалъ *Предсѣдатель Академіи*; но я поставилъ себѣ закономъ, съ Латониными жрецами никогда не ссориться.

Я также, сказалъ Меидій; но положеніе наше чрезъ то не поправляется ни мало.

Такъ чтожъ при такихъ обстоятельствахъ дѣлать, государи мои? спросилъ наконецъ въ обыкновенномъ своемъ гугнизомъ тонѣ *Архонтъ Онокрадій*.

Въ этомъ-то состоитъ вся завязка, отвѣтствовали Совѣтники! Естьлибъ только кто нибудь сказалъ намъ, что дѣлать?

Что дѣлать? вскричалъ *Меидій* съ торопливостію, и вдругъ опять остановился.

Въ градской думѣ послѣдовало всеобщее молчаніе! Мудрые мужи повѣся головы, казалось, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ на лицѣ мускуловъ размышляли, *что дѣлать?*

Но къ чему держимъ мы Академію наукъ въ Абдерѣ? возопилъ спустя нѣсколько времени *Архонтъ* къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ онъ избранъ былъ въ санъ свой, не слыхали еще израженія мнѣнія его въ реторической фигурѣ.

Мысль великаго Архонта ни съ чѣмъ несравненна, примолвилъ Совѣтникъ *Меидій*; должно препоручить Академіи,

чтобъ она сочинила мнѣнїе, какими средствами —

Я думалъ то же, прервалъ его рѣчь Архонтъ; за чѣмъ держать Академїю, когда намъ такими тонкими запросами ломать себѣ головы?

Прекрасно! вскричали нѣкоторые толстопузые Совѣтники, потирая всѣ вмѣстѣ руками плоскїе лбы свои — Академїя! Академїя должна предложить свое мнѣнїе!

Прошу васъ, государи мои, сказалъ *Гипсибоасъ*, одинъ изъ старѣйшинъ республики; ибо онъ тогда былъ *Номофилаксомъ* (блюстителемъ законовъ), *первымъ смотрителемъ за лягушками, членомъ достопочтеннаго судилища Десятоначальниковъ*. Не взирая на всѣ сїи степени едва ли во всей Абдерѣ жилъ такой

человѣкъ, которой бы внутренно меньше его принималъ участія въ Латонѣ и лягушкахъ ея. Но поелику *Язоновъ потомокъ Онокрадій* при послѣднемъ выборѣ въ Архонты ему предпочтенъ былъ, то онъ сдѣлалъ себѣ правиломъ, сему новому Архонту всегда и во всякомъ случаѣ поперечить; а по тому отъ *Язоновыхъ потомковъ* и друзей обвиняемъ былъ по справедливости: что онъ безпокойная голова, и затѣваетъ не иное что, какъ составить въ Совѣтѣ партію, которая бы сопротивлялась всѣмъ видамъ и опредѣленіямъ потомковъ Язоновыхъ (съ давняго вренени игравшихъ въ городѣ главную ролю). — „Прошу васъ, государи мои, не торопиться,„ сказалъ Гипсибоасъ; „дѣло при-

надлежитъ не до Академіи, но до собора *батрахотрофовъ* (смотрителей за лягушками). Поступлено бы было противъ всякаго добраго порядка, и жрецами Латониными принято бы было за величайшую обиду, естьлибъ мы столь важной и такого свойства запросъ препоручили Академіи!„

Но сіе дѣло касается не до однихъ только *лягушекъ*, высокопочтенной господинъ Номофилаксъ, отозвался *Меидій* съ обыкновеннымъ своимъ насмѣшливымъ хладнокровіемъ; къ сожалѣнію, благодаря мудрымъ учрежденіямъ, съ нѣсколькихъ лѣтъ введеннымъ, оное дѣло касается до цѣлой *республики.* —

И можетъ быть самое важнѣйшее, для котораго когда

либо нужно было всеобщее сходбище всѣхъ отечество свое любящихъ сыновъ, прервалъ его рѣчь *Стенторъ*; одинъ изъ самыхъ запальчивыхъ въ городѣ, которой по громкому голосу своему много значилъ въ Сенатѣ. Язоновы потомки, хотя онъ былъ изъ *простыхъ гражданъ*, посредствомъ сочетанія его бракомъ съ побочною дочерью покойнаго настоятеля Агатирса, склонили его на свою сторону, и обыкновенно пользовались басистымъ его голосомъ, когда надобно было представлять что нибудь противъ Номофилакса *Гипсибоаса*, которой имѣлъ также басистой, но не столь громкой голосъ какъ *Стенторъ*.

По щастію уши Абдеритскихъ Совѣтниковъ безпрестаннымъ кваканьемъ лягушекъ нѣ-

сколько огрубѣли; а то бы они въ опасности находились при семъ случаѣ совершенно оглохнуть. Но къ таковымъ обрядамъ городовая дума въ Абдерѣ уже прїобыкла, и по тому не мѣшала, когда оба сильные крикуны, подобно двумъ ревнивымъ буйволамъ, другъ противъ друга до тѣхъ поръ ревѣли, пока — отъ осиплости болѣе кричать не могли.

Поелику съ сей минуты уже не стоило труда, слушать ихъ, то спросилъ Архонтъ городоваго писаря: сколько на часахъ! — и по увѣренїю, что наступаетъ обѣденное время, приступлено немедленно къ собиранїю голосовъ.

Здѣсь пусть Читатели замѣтятъ, что Совѣтъ въ Абдерѣ при сочиненїи какого либо

опредѣленія никогда не занимался тѣмъ, чтобъ доводы, въ защищеніе или опровержение дѣла предлагаемые, разобрать съ хладнокровіемъ, и склониться на сторону того, кто предлагалъ *самые лучшіе*; но всегда принималъ сторону либо того, кто долѣе и громче всѣхъ кричалъ, либо того, къ кому онъ былъ приверженъ. Хотяжъ партія Архонтова въ дѣлахъ текущихъ была всегда почти многочисленнѣйшая; однако на сей разъ, когда доходило до щекотливаго разговора съ Предсѣдателемъ Академіи, Онокрадій врядъ ли одержалъ бы верьхъ, естьлибъ *Стенторъ* не надрывался съ крику. Почему 28ю голосами противъ 22хъ положено: отъ Академіи потребовать мнѣнія, какими средства-

ми и путями можно воспрепятствовать чрезмѣрному размноженію лягушекъ внутри и внѣ Абдеры (не нарушая однакожъ должнаго благоговѣнія къ Латонѣ и правъ ея храма)?

Сію оговорку велѣлъ Совѣтникъ Меидій нарочно включить, дабы партію Номофилаксову привязать къ себѣ, или по крайней мѣрѣ не подать ей никакого предлога, коимъ бы она воспользовалась для подущенія народа противъ большинства голосовъ. Однако Номофилаксъ и сообщники его отозвались, что они не такъ просты, чтобъ попустили себя обмануть оговорками. Они представили противъ внесенія помянутаго опредѣленія въ протоколъ, и истребовавъ перечень онаго, тогдажъ въ торжествѣ отправи-

лись къ верьховному жрецу *Стилбону*, дабы увѣдомить его о семъ неслыханномъ нарушенїи правъ батрохотрофовъ и Латонина храма, и условиться въ мѣрахъ, какїя для соблюденїя ихъ могущества въ самоскорѣйшемъ времени предпрїять надлежало.

ГЛАВА IV.

Отличительное качество и образъ жизни верховнаго жреца Стилбона. Совѣщаніе между жрецами Латониными, и тѣми Совѣтниками, коихъ голоса были отринуты. Стилбонъ судитъ о дѣлѣ по свойственному ему понятію, и самъ торопится итти съ представленіями своими къ Архонту. Примѣчательной разговоръ между оставшимися у него гостьми.

Верьховной жрецъ Стилбонъ былъ уже третій, которой достопочтенному Стробилу (да почіетъ прахъ его въ мирѣ!) слѣдовалъ въ семъ санѣ. Оба они въ характерахъ своихъ, исключая ревность къ своему ордену, мало имѣли сходства.

Стилбонъ съ молодыхъ лѣтъ любилъ уединенie, и въ непроходимыхъ сторонахъ Латониной рощи, или въ самыхъ отдаленныхъ углахъ ея храма, занимался умозрѣнiями, кои тѣмъ болѣе составляли прелестей для его духа, чѣмъ далѣе простирались они выше предѣловъ человѣческаго познанiя; или лучше сказать, чѣмъ менѣе годились они для употребленiя на самомъ опытѣ въ пользу человѣческой жизни. Подобно неупомимому пауку сидѣлъ онъ въ средоточiи мысленныхъ и словесныхъ своихъ тенетъ; безпрестанно домогаясь, малой запасъ идей, прiобрѣтаемой имъ въ тѣсномъ округѣ Латонина храма и при отшельнической его жизни, претворять въ толь ясныя и тонкiя волокны, что

могъ наполнить оными всѣ безчисленныя пустоты въ мозгу своемъ.

Кромѣ сихъ отвлеченныхъ умозрѣній упражнялся онъ наиболѣе въ древностяхъ Абдеры, Ѳракіи и Греціи, а особливо въ Исторіи всѣхъ земель, островъ и полуостровъ, кои (по древнему преданію) нѣкогда существовали, но коихъ съ незапамятуемыхъ временъ уже не было. Сей почтенной мужъ не зналъ ни слова о томъ, что происходило въ свѣтѣ въ его время, а еще менѣе, что произошло за 50 лѣтъ до его времени; даже городъ Абдера, на одномъ краю котораго онъ жилъ, былъ ему не столько извѣстенъ, сколько Мемфисъ или Персеполисъ. Но за то былъ онъ гораздо свѣдущѣе о землѣ

древнихъ Пелазговъ, зналъ подробно, какъ назывался каждой народъ, каждой городъ, и каждое малое мѣстечко, прежде нежели получило новое свое имя; зналъ, кѣмъ построенъ каждой въ развалинахъ лежащій храмъ; вычислялъ по пальцамъ наслѣдства въ престолахъ всѣхъ Царей, кои *до потопа Девкаліонова* сидѣли при вратахъ малыхъ городовъ своихъ, и изрекали судъ каждому, — кто не въ состояніи былъ самъ себѣ доставить онаго. Славной островъ *Атлантъ* былъ ему такъ извѣстенъ, какъ будтобъ онъ всѣ великолѣпныя на немъ палаты, храмы, торжища, гимназіи, амфитеатры и проч. видѣлъ собственными своими глазами: и онъ остался бы безутѣшнымъ, когдабъ кто въ толсто начинен-

ной книгѣ его *о странствованїяхъ острова Делоса*, или въ другой какой нибудь огромной книгѣ, изданной имъ о толь любопытныхъ матерїяхъ, могъ показать хотя малѣйшую неисправность.

При всѣхъ таковыхъ познанїяхъ Стилбонъ былъ хотя весьма ученой, однакожъ не смотря на то, весьма ограниченной, и во всѣхъ предметахъ, до опытной жизни касающихся, несмысленной человѣкъ. Понятїя его о вещахъ человѣческихъ почти всѣ не годились, по тому, что оныя рѣдко или никогда не соотвѣтствовали тѣмъ случаямъ, къ которымъ примѣняемы были. Онъ всегда *судилъ* косвенно о томъ, что прямо предъ глазами его находилось, заключалъ всегда правильно по ложнымъ

предположеніямъ, удивлялся всегда естественнымъ приключеніямъ, и всегда ожидалъ щастливаго успѣха отъ такихъ средствъ, кои необходимо препятствовали ему въ достиженіи его цѣли. Голова его была и осталась, до тѣхъ поръ пока онъ жилъ, сборищемъ всѣхъ народныхъ предразсудковъ. Самая слабоумная старуха въ Абдерѣ была не легковѣрнѣе его; и сколь нелѣпо ни покажется многимъ Читателямъ нашимъ, однакожъ то подлинно, что онъ можетъ статься былъ одинъ только въ Абдерѣ, которой отъ всего сердца вѣровалъ въ лягушекъ Латониныхъ.

При всемъ томъ главной жрецъ Стилбонъ вообще почитался за благомысленнаго и миролюбиваго человѣка — и поe-

лику тѣ *отрицательныя добродѣтели*, кои были необходимымъ слѣдствіемъ его жизни, его состоянія, и его склонности къ умозрѣніямъ, приписываны ему были въ полной мѣрѣ: то онъ всеконечно могъ слыть мудрѣйшимъ и лучшимъ, нежели кто либо изъ его соотчичей. Сіи послѣдніе почитали его мужемъ безстрастнымъ, поелику, по примѣчанію ихъ, все то, что обыкновенно возбуждаетъ желанія въ другихъ людяхъ, не имѣло надъ нимъ власти. Но они не думали, что онъ всѣхъ такихъ предметовъ не уважалъ: либо по тому, что ихъ не зналъ; либо по тому, что по долгой привычкѣ, провождать жизнь токмо въ умозрѣніяхъ, пріобрѣлъ неспособность и отвращеніе ко все-

му, что предполагаетъ другія привычки.

Между тѣмъ доброй *Стилбонъ*, не примѣчая самъ того, имѣлъ страсть, которая одна достаточна была, къ произведенію столькожъ бѣдствій въ Абдерѣ, сколько причинили бы всѣ прочія страсти, коихъ онъ не имѣлъ, — а именно приверженность *къ своимъ мнѣніямъ*. Будучи самъ совершенно увѣренъ въ истиннѣ оныхъ, не могъ онъ понять, какъ человѣкъ, одаренной хотя токмо пятью чувствами, и обыкновеннѣйшимъ разсудкомъ, могъ о чемъ либо судить иначе, нежели какъ онъ. И такъ когда встрѣчался сей случай, то не могъ онъ растолковать себѣ онаго иначе, какъ тѣмъ положеніемъ: что такой человѣкъ либо *помѣшался въ*

умѣ — либо долженѣ быть *злобнымѣ и непримиримымѣ врагомѣ истинны*, и слѣдственно достойнымѣ всякаго презрѣнія. При толь здравомѣ образѣ мыслей жрецѣ Стилбонѣ, со всею своею ученостію, и со всѣми своими отрицательными добродѣтелями былѣ опаснымѣ мудрецомѣ вѣ Абдерѣ; и учинился бы такимѣ еще несравненно болѣе, естьлибѣ по безпечности и рѣшительной склонности своей кѣ уединенію, не удаленѣ былѣ отѣ всего вокругѣ его происходившаго, такѣ что рѣдко почиталѣ за нужное, хотя мало любопытствовать о томѣ.

Я никогда не слыхалѣ, чтобѣ мы имѣли причину, жаловаться на излишнее множество лягушекѣ, сказалѣ Стилбонѣ

весьма хладнокровно, когда *Номофилаксъ* говорить пересталъ.

Теперь не о томъ рѣчь, достойный отецъ, отвѣчалъ первой. Сенатъ въ разсужденiи сего пункта уже согласился, да думаю, что и весь городъ того же мнѣнiя. Но чтобъ *Академiи* препоручить, дабы она предложила средства и способы, какъ всего удобнѣе отвратить чрезмѣрное размноженiе лягушекъ: этова мы никогда допустить не можемъ.

Развѣ отъ Сената сдѣлано такое препорученiе Академiи? спросилъ *Стилбонъ*,

„Вить вы слышите, вскричалъ Гипсибоасъ нѣсколько осердясь; я говорилъ вамъ о томъ теперь лишь, и за тѣмъ-то мы пришли сюда.„

Такъ Сенатъ поступилъ въ семъ случаѣ со всѣмъ безразсудно, отвѣчалъ жрецъ съ прежнимъ хладнокровіемъ. Принесли ли вы съ собою его опредѣленіе?

„Вотъ списокъ съ него!„

Стилбонъ прочитавъ его со вниманіемъ разъ или два, и покачавъ головою сказалъ: тутъ почти столькожъ нелѣпостей, сколько словъ! *Вопервыхъ*: должно еще доказать, что лягушекъ въ Абдерѣ *слишкомъ много*; хотя сего никогда доказать не можно. Ибо, для истолкованія того, что *много*, надлежитъ сперва знать, что *довольно*; а сего-то именно мы никакъ узнать не можемъ, развѣ бы Делфійской Аполлонъ, или сама мать его Латона захотѣла какимъ либо прорица-

лицемъ вразумить насъ. Это *яснѣе полуденнаго свѣта*. Ибо когда лягушки состоятъ непосредственно подъ защитою и покровительствомъ богини: то нелѣпо утверждать, что будтобъ ихъ было когда нибудь больше, нежели сколько богинѣ угодно; и по тому оное дѣло не только *не требуетъ* никакого изслѣдованія, но *и* никакого изслѣдованія *не допускаетъ*. *Во вторыхъ*: положимъ, хотябъ лягушекъ дѣйствительно было слишкомъ много, однакожъ нелѣпо говорить о средствахъ и способахъ къ уменьшенію числа оныхъ. Ибо нѣтъ такихъ средствъ и способовъ, по крайней мѣрѣ такихъ, кои бы находились въ нашемъ произволеніи; а сіе то же значитъ, какъ бы ихъ и совсѣмъ не было. *Въ*

третьихъ: нелѣпо дѣлать *Академіи* такое препорученіе. Ибо Академія не токмо не имѣетъ права рѣшить толь важные предметы, но и состоитъ, какъ слышу, изъ остряковъ и неосновательныхъ людей, кои о вещахъ, до лягушекъ касающихся, совсѣмъ не свѣдущи; и въ ясное доказательство тому, какъ слышу, по глупости своей, смѣются и ругаются надъ ними. Я увѣренъ, что это происходитъ отъ ихъ *невѣжества*. Ибо естьлибъ они со вниманіемъ прочли мою книгу о *древностяхъ Латонина храма*: то развѣбъ они были совершенно безъ ума, или были бы явными кощунами, когдабъ могли противиться доказанной мною въ оныхъ истинѣ. По чему *Сенатское опредѣленіе*, какъ сказано, совсѣмъ

нелѣпо, и слѣдственно не можетъ быть дѣйствительно, поелику вздорное положенїе тоже значитъ, что и никакое. Скажите это старѣйшинамъ нашимъ въ первомъ засѣданіи, высокопочтенный Номофилаксъ! Они безъ сомнѣнія образумятся, и такимъ образомъ мы всего лучше поступимъ, когда дѣло *оставимъ на прежнемъ основанїи*.

„Великій жрецъ, отвѣтствовалъ ему *Гитибоасъ*, вы человѣкъ ученой, это мы всѣ знаемъ. Но не погнѣваетесь, о дѣлахъ свѣтскихъ и политическихъ не имѣете вы никакого понятїя. Большинство членовъ въ Сенатѣ сочинило опредѣленїе, которое предосудительно правамъ *лягушечьихъ* *смотрите-*

лей. Между тѣмъ по принятымъ законамъ, „*рѣшить большинствомъ голосовъ*,„ оное опредѣленіе остается, и Архонтъ произведетъ его въ дѣйство прежде, нежели я въ первомъ засѣданіи могу предложить логическія ваши возраженія, естьлибъ я хотѣлъ себя обременить ими „

Однако касательно до такихъ отвлеченныхъ или созерцательныхъ предметовъ сила не въ тѣхъ голосахъ, коихъ *больше*, но въ тѣхъ, кои *умнѣе*, продолжалъ *Стилбонъ*.

„Ладно сказано, преподобной отецъ, отвѣчалъ Номофилаксъ, весьма ладно! тѣхъ, кои *умнѣе*! *Умнѣйшіе* голоса безспорно *имѣютъ* право. И такъ теперь спрашивается только, что намъ дѣлать, дабы они

право свое *удержали.* Мы должны помышлять о скоромъ средствѣ, чтобъ исполненіе Сенатскаго опредѣленія было до времени отсрочено.

Я тотчасъ правительственному Архонту пошлю мою книгу о древностяхъ Латонина храма. Онъ вѣрно еще не читалъ ее. Ибо въ главѣ *о лягушкахъ* объяснено тамъ все, что о семъ предметѣ сказать можно.

Архонтъ во всю свою жизнь не читалъ ни одной книги, (молвилъ одинъ изъ Совѣтниковъ смѣючись,) кромѣ Абдеритскихъ вѣдомостей; и такъ это средство будетъ не удачно, я ручаюсь въ томъ!

Тѣмъ хуже, отвѣчалъ *Стилбонъ*. Въ какія времена живемъ мы, когда это правда? Есть ли верховной повелитель респуб-

лики подаетъ такой примѣръ — однако, я никакъ не могу повѣрить, чтобъ Абдера уже дошла до того.

„Да вы совсѣмъ и не виноваты въ томъ, достойной отецъ, сказалъ Номофилаксъ. Но не уже ли намъ оставить все, такъ какъ есть! Хорошо бы еще было, естьлибъ сія погрѣшность Архонтова была самая главная.„

Я вижу въ семъ случаѣ только одно средство, молвилъ одинъ изъ жрецовъ, *по имени Памфагъ*; высокопочтенное судилище Десятоначальниковъ есть *выше Сената* — слѣдственно —„

Прошу меня извинить, прервалъ его рѣчь *одинъ Совѣтникъ*, не *выше* Сената, но только —

„Вы не дали мнѣ договорить, продолжалъ жрецъ съ нѣ-

которою запальчивостію. Десятоначальники не *выше* Сената по дѣламъ судебнымъ и политическимъ. Но понеже всѣ предметы, касающіеся до Латонина крама, относятся къ Десятоначальникамъ, и противъ рѣшенія ихъ не льзя представлять далѣе: то явствуетъ, что —„

Десятоначальники не *выше* Сената, вступился опять первой; ибо Сенатъ совсѣмъ не входитъ въ дѣла Латонины, и по тому никогда не можетъ мѣшаться въ одно съ Десятоначальниками.

„Тѣмъ лучше для Сената, сказалъ жрецъ. Но естьлибъ Сенату когда нибудь и вздумалось, рѣшить такой предметъ, которой къ служенію Латонѣ имѣетъ по крайней мѣрѣ весьма

близкое отношеніе, каковой случай дѣйствительно находится теперь: то я не вижу другаго средства, какъ созвать Десятоначальниковъ„

Это можетъ сдѣлать только Архонтъ, возразилъ Гипсибоасъ, и онъ натурально откажется отъ того.

„Онъ не можетъ отказаться, когда будетъ прошенъ соборомъ жрецовъ,“ отвѣчалъ *Памфагъ*.

Любезной братъ! молвилъ верховной жрецъ, я не могу быть вашего мнѣнія. Поступлено бы было противъ достоинства Десятоначальниковъ, и даже противъ порядка, естьлибъ мы въ предлежащемъ случаѣ захотѣли настоять на ихъ созывѣ. Десятоначальники могутъ и должны собираться, когда дѣй-

ствительно оскорблена религія. Но гдѣ тутъ оскорбленіе? Сенатъ сочинилъ вздорное рѣшеніе, вотъ все. Это худо, однакожъ не совсѣмъ; иначе должныбъ вы были доказать, что Десятоначальники для того существуютъ, дабы смотрѣть за Сенатомъ, когда онъ сочиняетъ нелѣпыя рѣшенія.

Жрецъ *Памфагъ* закусилъ губы, и оборотясь къ Номофилаксу, прошепталъ ему нѣчто на лѣвое ухо.

Стилбонъ не примѣчая того продолжалъ: я теперь же самъ пойду къ Архонту, и отнесу ему мою книгу о древностяхъ Латонина храма. Пусть онъ прочтетъ главу о лягушкахъ! Нельзя, чтобъ онъ тотчасъ не удостовѣрился въ нелѣпости Сенатскаго опредѣленія.

„Такъ подитежъ и попытайтесь своего щастія," сказалъ Номофилаксъ. Верховной жрецъ немедленно удалился.

Какая это голова! сказалъ жрецъ *Памфагъ*, по выходѣ его.

Онъ весьма ученой мужъ, примолвилъ Совѣтникъ *Буцефалъ*; только — —

Ученой мужъ? (спросилъ первой.) Что вы называете ученымъ? Ученой въ такихъ вещахъ, въ знаніи которыхъ никто не имѣетъ нужды. — —

Объ этомъ достойной пастырь можете вы судить лучше, нежели кто нибудь изъ насъ, отвѣчалъ Совѣтникъ; я ничего этова не разумѣю. Однако мнѣ всегда казалось не понятно, что такой ученой мужъ въ дѣлахъ общественныхъ мо-

жетъ столь же быть не свѣдущъ, какъ малой робенокъ.

Къ нещастію храма Латонина, отозвался другой жрецъ —

И всей республики, примолвилъ третій.

Этова-то я не знаю, сказалъ *Номофилаксъ* съ язвительною усмѣшкою; однако не забудемъ, о чемъ мы говорили. Вы, кажется мнѣ, всѣ того мнѣнія, чтобъ созвать Десятоначальниковъ. —

Тѣмъ паче, вступился одинъ изъ Совѣтниковъ — что мы удостовѣрены въ подобраніи большинства голосовъ противъ Архонта.

Естьли мы не можемъ себѣ лучше пособить, продолжалъ Номофилаксъ, то я тѣмъ доволенъ. Но не льзя ли намъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ

Лятона и жрецы ея на нашей сторонѣ, пособить себѣ еще лучше? Не составляемъ ли мы почти половину Совѣта? Мы оспорены токмо шестью голосами; и когда мы постоимъ за себя дружно — —

Въ этомъ положитесь на насъ, вскричали Совѣтники.

„У меня есть въ головѣ планъ, которому однакожъ долженъ я дать нѣсколько времени для созрѣнія. Выберите изъ среды вашей двухъ или трехъ членовъ, съ коими бы я сего вечера могъ въ моей садовой бесѣдкѣ посовѣтоваться о дѣлѣ обстоятельнѣе. Тѣмъ временемъ окажется, какой успѣхъ будетъ имѣть главной жрецъ у Архонта Онокрадія„

Я прозакладываю свою голову, отвѣчалъ жрецъ *Харокзъ*,

что онъ изъ худова сдѣлаетъ еще хуже.

Тѣмъ лучше, сказалъ Номофилаксъ.

ГЛАВА V.

Что произошло между первенствующимъ жрецомъ и Архонтомъ — Одна изъ поучительнѣйшихъ главъ въ сей повѣствуемой нами исторіи.

Между тѣмъ какъ въ комнатѣ первенствующаго жреца продолжался разговоръ, то онъ самъ отправясь къ Архонту, требовалъ аудіенціи о дѣлѣ *для Архонта весьма важномъ*.

О! тутъ вѣрно замѣшаны будутъ лягушки, сказалъ Совѣтникъ *Мейдій*, которой тогда одинъ былъ у Архонта, и

увѣдомилъ его, что Номофилакса со своею партїею видѣли поспѣшающаго въ храмъ Латонинъ.

Чортъ возьми всѣхъ этихъ лягушекъ — прости меня Латона! вскричалъ *Онакрадїй* осердясь; этотъ угрюмой попъ прожужжитъ мнѣ уши своими *толками* и *доводами*, такъ что у меня голова будетъ отъ того не на мѣстѣ! Оборонитте меня, прошу васъ, отъ этого причудливаго старика!

Мегдїй смѣялся замѣшательству Архонтову. Слушайте его съ терпѣнїемъ, сказалъ онъ: но держитесь крѣпко *вашей власти*, и того *правила*, *что нужда законъ перемѣняетъ*. Мы право не дадимъ себя на снѣденїе лягушкамъ; и естьли такъ продолжится, какъ досе-

лѣ было, то пусть Латона и насъ всѣхъ на голову превратитъ въ лягушекъ. Это было бы первымъ щастіемъ, которое бы намъ приключиться могло, естьли мы скоро не пособимъ себѣ другимъ образомъ. На всякой же случай не безполезно будетъ, когда ваше великомочіе дадите жрецу знать, что *Язонъ* также имѣетъ храмъ въ Абдерѣ, и что боги потолику суть богами, поколику дѣлаютъ добро.

Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Архонтъ. Естьлибъ я только все то упомнить могъ, что вы мнѣ теперь сказали! Но я уже соберусь съ духомъ. Пусть ка жрецъ подступитъ! — Между тѣмъ подите въ мой кабинетъ, Меидій. Вы тамъ найдете отборное число *маленькихъ штукъ*

Парразіевыхъ, коихъ не вездѣ видѣть можно — Но не говорите моей женѣ о томъ ни слова! Вы разумѣете меня?

Меидій пробрался въ кабинетъ; Архонтъ приготовился къ пріему, и Стилбонъ былъ допущенъ.

„Повелительный Архонтъ, сказалъ онъ, я пришелъ вашему великомочію подать доброй совѣтъ, понеже я имѣю великое мнѣніе о вашей мудрости и охотно желаю отвратить угрожающее намъ бѣдствіе.„

Я благодарю васъ за то и за другое, почтенной жрецъ! Доброй совѣтъ, какъ вы знаете, кому не пріятенъ. Чтожъ вы имѣете предложить въ пользу?

„Сенатъ, продолжалъ Стилбонъ, какъ я слышу, поторопился сочинить рѣшеніе по дѣ-

ламъ, касающимся до лягушекъ Латониныхъ." —

Почтенный жрецъ! – –

„Я не говорю, чтобъ они сдѣлали то по злой волѣ. Люди грѣшатъ единственно потому, что они невѣжды. Вотъ я принесъ вашему великомочію книгу, въ которой вы можете усмотрѣть, какого свойства суть наши лягушки. Это сочиненіе стоило мнѣ многихъ трудовъ и бдѣнія по ночамъ. Вы усмотрите, что Академія, существующая только со вчерашняго дня, не можетъ имѣть никакого права, рѣшить что либо въ разсужденіи лягушекъ, которыя древностію своею равняются божеству Латоны. Лягушки Абдерскія, какъ мы всѣ знать долженствуемъ, совсѣмъ инаковы, нежели лягушки въ

другихъ странахъ мiра. Онѣ посвящены и принадлежатъ Латонѣ. Никогда не вымирая суть онѣ живыми доказательствами своей божественности. Безумно утверждать, чтобъ ихъ могло быть *много*, и не учиняя *святотатства* не льзя говорить о средствахъ къ уменьшенiю числа ихъ.„

Святотатства, почтенной жрецъ?

„Я не заслуживалъ бы быть главнымъ жрецомъ, естьлибъ захотѣлъ умолчать о семъ. Ибо естьлибъ мы допустили, чтобъ число Латониныхъ лягушекъ уменьшено было, тобъ развращеннѣйшiе наши потомки дошли бы наконецъ до того, что ихъ всѣхъ истребили бы. Какъ сказано, въ этой книгѣ ваше великомочiе все найдете, чему въ

разсужденіи помянутаго предмета вѣрить должно. Постарайтесь, чтобъ съ ней сдѣланы были списки, и розданы въ каждой домъ по экземпляру. Когда сіе произведено будетъ въ дѣйство, то всего безопаснѣе, объ онсмъ дѣлѣ болѣе не умствовать. Пустъ Академія сочиняетъ свое мнѣніе, о чемъ она хочетъ. Вся природа предъ нею открыта. Она можетъ говорить отъ слона до лиственнаго червячка, отъ орла до комара, отъ кита до пискаря, и отъ кедра до плауна; но объ *лягушкахъ* должна она молчать!„

Достойной жрецъ, сказалъ Архонтъ, да сохранятъ меня боги отъ того, чтобъ я когда либо вздумалъ изслѣдовать, какого свойства ваши лягушки. Я Архонтомъ избранъ съ тѣмъ,

чтобъ все въ Абдерѣ оставить, такъ какъ я нашелъ. Между тѣмъ очевидно, что намъ отъ лягушекъ уже пошевелиться не льзя; и сіе зло надобно предупредить. Ибо этова хуже съ нами послѣдовать не можетъ, какъ сами видите. Предки наши довольствовались содержаніемъ освященнаго пруда, и кто хотѣлъ имѣть собственной прудъ лягушечей, тому дана была воля. Тогда таковое учреждение было совмѣстно. Но теперь, когда мы уже дошли до того, что скоро подвергнемся опасности, живые или мертвые быть съѣденными отъ лягушекъ: то ваше преподобіе конечно не захотите требовать, чтобъ мы то допустили. Ибо когда кто нибудь изъ насъ съѣденъ будетъ лягушками, то

худая для него отрада, думать, что то не простыя лягушки, Кратко сказать, достойной жрецъ! Академія должна представить свое мнѣніе, потому что ей отъ Сената препоручено изготовить оное, и — при всемъ уваженіи, каковымъ я вашему преподобію обязанъ, книги вашей читать не буду; для меня единожды навсегда долженствуетъ рѣшено быть, лягушки ли для Абдеритовъ, или Абдериты для лягушекъ существуютъ. Ибо послушайте, какъ скоро республика по причинѣ лягушекъ приводится въ опасность, то сіе дѣло превращается въ государственное, и тогда жрецы Лятонины не должны въ него мѣшаться, какъ вы знаете. Ибо нужда перемѣняетъ законъ, —

словомъ, достойной отецъ, мы не попустимъ, чтобъ насъ переѣли лягушки. Естьлижъ бы вы противъ всякаго чаянія въ томъ настояли, то бы я къ сожалѣнію своему принужденъ былъ сказать вамъ, что храмъ Латонинъ не одинъ въ Абдерѣ, и что златое руно, коего сбереженіе ввѣрено *богами* моей фамиліи, могло бы обнаружить еще неиспытанную доселѣ силу, и Абдеру вдругъ — освободить отъ всей бѣды. Больше не хочу я говорить. Но замѣтьте почтенной жрецъ слѣдующую пословицу. Повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову положить.

Доброй жрецъ не зналъ, на яву ли онъ или во снѣ слышитъ такія рѣчи отъ Архонта, котораго онъ всегда почи-

шалъ благомыслящимъ и примѣрнымъ правителемъ. Онъ стоялъ минуту, не произнеся ни слова; не по тому, что онъ *не* умѣлъ *что* сказать, но потому, что онъ могъ сказать *много*, и не зналъ съ чего начать. Эпова я никогда не почиталъ сбыточнымъ, промолвилъ онъ наконецъ, чтобъ я дожилъ до такого времени, въ которое бы главной жрецъ Латонинъ слышалъ изъ устъ Архонта то, что я услышалъ!

Архонтъ струсилъ при сихъ словахъ. Ибо какъ онъ самъ точно не зналъ, что говорилъ главному жрецу, то побоялся, не сказалъ ли можетъ быть больше, нежели сколько благопристойность позволяла. Онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взглянулъ на кабинетную дверь,

какъ будтобъ хотѣлъ Тайнаго своего Совѣтника Меидїиса призвать на помощь. Но видя, что онъ на сей разъ долженъ былъ пособить себѣ одинъ, дергалъ себя попеременно то за носъ, то за бороду, кашлялъ, сморкалъ, и наконецъ отвѣтствовалъ главному *жрецу* со всею важностїю, которую онъ себѣ въ *торопяхъ* придать могъ: я не знаю, какъ принять-то, что вы мнѣ сказали. Но вѣдаю, что когда вы по мнѣнїю вашему слышали то, чего не должны бы были слышать, то вѣрно вы меня не прямо разумѣли. Вы человѣкъ весьма ученой, и я имѣю всякое уваженїе къ *вашей* особѣ и къ *вашему* сану. —

И такъ вы хотите прочесть мою книгу? спросилъ Стилбонъ.

„Нѣтъ — однако — когда вы въ томъ настоите — когда думаете, что вообще —„

Добра никому не должно навязывать, сказалъ жрецъ съ нѣкоторою чувствительностїю, коей онъ преодолѣть не могъ. Я вамъ оставляю книгу, прочтете ли вы ее или нѣтъ! Для васъ же хуже, когда вамъ все равно, правильно ли вы думаете, или ложно. —

Почтенный жрецъ, перервалъ его рѣчь Архонтъ, которой наконецъ также разгорячился; вы чувствительны, какъ я вижу. Хотя я не осуждаю васъ, что вы лягушкамъ своимъ преданы, ибо за то вы главной жрецъ. Однако вы должны подумать, что я Архонтъ надъ Абдерою, а не надъ прудомъ лягушечьимъ. Оставайтесь

вы въ вашемъ храмѣ и управляйте тамъ, какъ можете, и какъ за благо разсудите; въ Совѣтѣжъ позвольте управлять намъ. Академія представитъ свое мнѣніе о лягушкахъ, въ томъ я ручаюсь вамъ — и оное будетъ вамъ сообщено, прежде нежели Сенатъ сочинитъ на него рѣшеніе, въ семъ можете на меня также положиться!

Главной жрецъ скрывалъ негодованіе свое по причинѣ неудачнаго своего прихода къ Архонту, сколько могъ, и поклонясь вышелъ вонъ съ слѣдующими словами: онъ совершенно удостовѣренъ, что Сенатъ въ помянутомъ дѣлѣ ничего болѣе не предприметъ безъ предварительнаго согласія съ жрецами Латонина храма. Напротивъ того Архонтъ съ своей стороны

отозвался, что ему права храма Латонина столь же священны, какъ и права Сената и благосостоянія города Абдеры; и такимъ образомъ разстались они другъ съ другомъ еще съ довольною учтивостію.

Онъ — меня растрогалъ, сказалъ Архонтъ Совѣтнику Мейдію, потирая платкомъ лобъ.

Однако и вы храбро оборонялись, отвѣчалъ Совѣтникъ. Попъ нашъ воспалится мщеніемъ, но ярость его будетъ не дѣйствительна Не надобно только входить съ нимъ въ толкованія и силлогизмы, такъ онъ будетъ срѣзанъ, и ума къ этому дѣлу не приложитъ.

Да естьлибъ только не скрывался за нимъ Номофилаксъ, продолжалъ Архонтъ. Жаль, что я много проговаривался.

Но какоежъ и требованіе отъ меня, чтобъ я прочелъ огромную книгу, надъ сочиненіемъ которой у старика глаза впали и ослѣпли! Ктобы тутъ не вышелъ изъ терпѣнія?

Не безпокойтесь ни о чемъ, великій Архонтъ! За насъ постоитъ Академія, да и чрезъ нѣсколько дней будутъ на нашей сторонѣ всѣ зубоскалы въ Абдерѣ. Я разсѣю площадныя пѣсни между народомъ. Стихокропатель *Пелексъ* переложитъ мнѣ исторію превращенія Ликійскихъ крестьянъ на стихи, отъ которыхъ всѣ Абдериты животы свои надорвутъ. Надобно жрецовъ съ лягушками ихъ представить смѣшными. Разумѣется, что искусно; однако разъ за разомъ, пѣсня за пѣс-

нею! Вы увидите, что такое средство будетъ удачно.

Я желаю этова сердечно, сказалъ Архонтъ: ибо вы представить себѣ не можете, какихъ бѣдъ надѣлали мнѣ проклятыя лягушки нынѣшняго лѣта въ саду моемъ! Я не могу безъ жалости смотрѣть на то — Теперь въ добавокъ ничего больше не достаетъ, какъ то, чтобъ вскорѣ наступила засуха, и навязала бы намъ на шею еще армію полевыхъ мышей и кротовъ!

На первой случай постараемся освободиться отъ лягушекъ, продолжалъ Мейдій: а въ разсужденіи мышей, кои еще будутъ, тогдажъ найдутся и средства!

Но что мнѣ дѣлать съ пребольшею книгою, которую мнѣ

главной жрецъ оставилъ? спросилъ Архонтъ. — Вы конечно не потребуете отъ меня, чтобъ я прочелъ ее?

Сохрани васъ отъ того Язонъ и Медея, вскричалъ Мейдій. Отдайте ее *мнѣ*. Я отнесу ее свойственнику моему *Кораксу*, которому безъ сомнѣнія поручено изготовить мнѣніе Академіи. Онъ воспользуется ею, въ томъ я ручаюсь вамъ.

Можетъ быть въ ней есть много хорошаго — сказалъ Архонтъ.

Когда она ни къ чему не пригодится, отвѣчалъ Совѣтникъ, то мы сдѣлаемъ изъ нее порошокъ, и дадимъ принять крысамъ, кои по предвѣщанію вашего великомочія еще будутъ. Изъ ней составится славной порошокъ для крысъ!

ГЛАВА VI.

Что верховной жрецъ предпрїялъ по возвращенїи своемъ домой.

Первое, что главной жрецъ возвратясь въ свою келїю сдѣлалъ, было то, что онъ сѣвши взялъ въ руки сочиненїе свое *о древностяхъ храма Латонина*, въ намѣренїи прочесть еще разъ главу о лягушкахъ, которая была с мая большая глава во всей книгѣ; а при томъ (какъ онъ по крайней мѣрѣ ласкалъ себя) прочесть со всякимъ безпристрастїемъ такого судїи, которой въономъ дѣлѣ не имѣетъ никакихъ другихъ выгодъ, кромѣ открытїя истинны. Ибо сколь онъ ни удостовѣренъ былъ въ заключенїяхъ своихъ изслѣдованїй, однако почиталъ справедливымъ и нужнымъ, прежде

нежели простираться будетъ далѣе, пересмотрѣть всю свою систему съ доказательствами оной еще единожды пунктъ за пунктомъ; дабы, естьли онъ и при семъ новомъ и строгомъ разысканіи найдетъ ее истинною, могъ тѣмъ надежнѣе стоять за нее противъ всѣхъ возраженій остроты и модной философіи своего времени.

Бѣдной Стилбонъ! естьлибъ ты зналъ (чему я больше хочу вѣрить, нежели не вѣрить, сколь обманчивъ человѣческой *разумъ!* и сколь прелестная и соблазнительная змѣя и волшебница есть *страсть самолюбія!*

Стилбонъ прочелъ главу свою о лягушкахъ со всякимъ безпристрастіемъ, къ каковому онъ способенъ былъ; испыты-

валъ каждое положенїе, каждое доказательство, каждое умозаключенїе съ хладнокровїемъ *Арцезилая* и — нашелъ: „*что либо должно отрещися всеобщаго человѣческаго смысла, либо надлежитъ быть удостовѣрену въ своей системѣ*„

Это не возможно, скажете вы? — Прошу извинить, это весьма возможно; ибо оное случалось, и случается еще каждой день. Нѣтъ ничего естественнѣе. Упоминаемой нами ученой мужъ любилъ свою систему, какъ собственную свою плоть и кровь. Онъ породилъ ее изъ себя самаго. Она была ему вмѣсто жены и дѣтей, вмѣсто всякаго богатства, почестей, и мїрскихъ утѣхъ, отъ коихъ онъ при вступленїи своемъ въ Латонинъ храмъ от-

казался; она была ему милѣе всего. Когда онъ сѣлъ для испытанія ея снова, то былъ уже совершенно удостовѣренъ въ истиннѣ и изящности оной, такъ какъ въ собственномъ бытіи своемъ. По чему онъ естественно сѣлъ будто бы съ тѣмъ, чтобъ со всякимъ хладнокровіемъ изслѣдовать, бѣлъ или черенъ снѣгъ на вершинѣ горы Гема?

„Что Милитскіе землѣдѣль„цы, кои жаждущей Латонѣ „возбранили напиться изъ пруда „ихъ, превращены въ лягушекъ,„ (говорилъ Стилбонъ въ своей книгѣ,) „это *былъ* —„

„Что нѣкоторыя изъ сихъ „лягушекъ, такъ какъ учитъ „преданіе, перемѣщены въ Аб„деру и при томъ въ прудъ „Латониной рощи, это *былъ*„

„Оба дѣйствительно слу-
„чившіяся обстоятельства осно-
„вываются на томъ, на чемъ осно-
„вывается всякая историческая
„истинна; а именно на человѣче-
„ской вѣрѣ свидѣтельству людей;
„и доколѣ стоитъ Абдера, ни
„одинъ умной человѣкъ не осмѣ-
„ливался противорѣчить всеоб-
„щей вѣрѣ Абдеритовъ помяну-
„тымъ дѣйствительнымъ про-
„исшествіямъ. Ибо кто захотѣлъ
„бы отрицать оныя, тотъ дол-
„женствовалъ бы доказать ихъ
„невозможность; и гдѣжъ на
„землѣ сыщется такой, кото-
„рой бы сіе сдѣлать могъ?„

„Но лягушки, въ нынѣшнія
„времена находящіяся въ освя-
„щенномъ прудѣ нашемъ, суть
„ли тѣ самыя, которыя Лато-
„ною, или (что все равно)
„Юпитеромъ по прошенію Ла-

„тоны, превращены въ лягу-
„шекъ: о томъ доселѣ были
„различныя мнѣнія.„

„Большая часть ученыхъ
„нашихъ думали, что содер-
„жанїе освященнаго пруда почи-
„тать должно единственнымъ
„учрежденїемъ нашихъ пред-
„ковъ, и сохраняемыхъ въономъ
„лягушекъ единственнымъ на-
„поминанїемъ могущества покро-
„вительницы нашей„

„Напротивъ того простой
„народъ въ разсужденїи сихъ
„лягушекъ всегда говорилъ и
„вѣрилъ, что онѣ суть имен-
„но тѣ самыя, надъ коими со-
„вершилось извѣстное чудо.„

„И я — Стилбонъ, мило-
„стїю Юпитера и Латоны,
„первенствующїй нынѣ жрецъ
„въ Абдерѣ, по зрѣломъ раз-
„сужденїи нашелъ, что сїя вѣра

„народная утверждается на не-
„опровергаемыхъ доводахъ; и
„вотъ мое доказательство!„ —

Благосклонный Читатель вѣроятно почерпнулъ бы мало изъ того пользы, когдабъ мы его заставили прочесть сїе доказательство во всемъ пространствѣ, такъ какъ оно предложено въ книгѣ главнаго жреца Стилбона; особливо когда мы всѣ о неосновательности онаго *предварительно* по крайней мѣрѣ столькожъ удостовѣрены, сколько доброй Стилбонъ удостовѣренъ былъ въ его основательности. И такъ мы удовольствуемся токмо сказать вкратцѣ: что вся его система о многократно упоминаемыхъ лягушкахъ утверждалась на предположенїи, въ нынѣшнїя времена весьма обыкновенномъ, но тогда

(по крайней мѣрѣ въ Абдерѣ) со всѣмъ новомъ, и (по точному увѣренію Стилбонову) отъ него самаго изобрѣтенномъ, а именно на томъ ученіи: „что „всякое рожденіе есть не иное „что, какъ развитіе первона„чальныхъ ростковъ или на„чатковъ. —„ Стилбонъ сдѣлавъ сіе открытіе, нашелъ его толь прекраснымъ, и умѣлъ его подкрѣпить толь многими умственными и нравственными доводами (ибо естественная наука была не его дѣло), что оное ему со дня на день казалось вѣроятнѣйшимъ.

Наконецъ думалъ онъ, что изобрѣтеніе свое довелъ до *высочайшаго степени вѣроятія*. А поелику отъ сего до подлинной дѣйствительности остается только сдѣлать легкой пере-

ходъ: то удивительно ли, что толь остроумное, тонкое и вѣроподобное предположенïе — предположенïе, имъ самимъ изобрѣтенное, съ толикимъ тщанïемъ объясненное, со всѣми его прочими идеями въ связи находящееся, и за основанïе новой совершенно обдуманной системы о лягушкахъ Латониныхъ принятое, — показалось ему напослѣдокъ столь же подлиннымъ, очевиднымъ и несомнительнымъ, какъ правило какое либо въ Эвклидѣ?

„Когда Милитскïе земле„дѣльцы превращены были (такъ „говорилъ Спилбонъ), то они „имѣли въ себѣ отростки одни „въ другихъ завернутые всѣхъ „земледѣльцовъ и неземледѣль„цовъ, кои отъ тогдашняго вре„мени до нынѣшняго, и отъ ны-

„нѣшняго до скончанія дней по
„порядочному теченію природы
„отъ нихъ произойти могли и
„долженствовали; и въ ту ми-
„нуту, когда оные Милитскіе
„крестьяне учинились лягушка-
„ми, всѣ человѣческіе отрост-
„ки, въ каждомъ находившіеся,
„превращены въ лягушечьи. Ибо
„(продолжалъ онъ) либо сіи
„отростки *уничтожены*, либо
„*перемѣнены въ лягушечьи*, либо
„*оставлены по прежнему*. *Первое*
„не возможно, поелику изъ чего
„нибудь столь же мало произой-
„ти можетъ ничто, какъ изъ
„ничего что нибудь. Не льзя
„себѣ также представить и
„*третіе*; ибо естьлибъ помя-
„нутые отростки остались
„*человѣческими*, то Милитскіе
„Ἀνθρωποβατραχοι или *люди въ*
„*видѣ лягушекъ* долженствовали

„бы раждать людей дѣйстви-
„тельныхъ и намъ подобныхъ;
„а таковое представленіе про-
„тиворѣчитъ исторической
„истиннѣ, и уже само по себѣ
„нелѣпо. И такъ остается
„токмо *второе*, а именно: оные
„*отростки превращены въ лягу-*
„*шечьи*; и по тому за подлин-
„но утвердить можно: что ля-
„гушки, обрѣтающіяся до сего
„дня въ освященномъ прудѣ, и
„всѣ прочія, коихъ происхож-
„деніе отъ первыхъ доказать
„можно, слѣдственно всѣ ля-
„гушки въ Абдерѣ суть тѣ са-
„мыя, кои въ таковыя превра-
„щены Латоною, а именно: по-
„елику онѣ тогда въ измѣняю-
„щихся земледѣльцахъ *въ росткѣ*
„находились и *однимъ и тѣмъ*
„*же дѣйствіемъ* купно съ ними
„превращены были.„

По принятіи сего единожды на всегда за доказанную истинну, не казалось почтенному Стилбону ничего яснѣе тѣхъ слѣдствій, кои какъ бы сами отъ себя изъ его истинны проистекали. „Подобно какъ сраженный громовою стрѣлою дубъ „почитается *вещїю священною* „и громодержителю Зевесу принадлежащею: такъ равнымъ „образомъ и превращенные Латоною или Юпитеромъ люди, „со всѣми ихъ въ росткѣ или „зародышѣ купно превращенными потомками до тысячнаго „и десятитысячнаго колѣна долженствуютъ признаваемы и почитаемы быть за нѣкія чудесныя Латонѣ принадлежащія „*среднія существа*. Хотя они „по наружности своей подобны лягушкамъ во всѣхъ

„другихъ мѣстахъ; однакожъ „по своей сущности имъ не по„добны. Ибо, поелику они отъ „природы и натуры были люд„ми, а все, чѣмъ мы отъ нату„ры и природы есмы, даетъ „намъ неизгладимой знакъ или „отличїе: то они не столько „лягушки, какъ въ *видѣ оныхъ „люди*, и по тому въ нѣкото„ромъ смыслѣ принадлежатъ все „еще къ *нашему роду*, суть „наши братья, наши нещастные „братья, для предостереженїя „нашего ознаменованные страш„ною печатїю мщенїя боговъ, но „по тому самому и достойные „нѣжнѣйшаго нашего *сострада„нїя*. — Однако и не токмо „одного сострáданїя нашего (при„молвилъ Стилбонъ), но и на„шего *уваженїя*; поелику они „служатъ безпрерывно продол-

„жающимися памятниками могу-
„щества нашей богини, коихъ
„не льзя оскорбить, не оскор-
„бивъ ея самой; ибо сохраненїе
„ихъ чрезъ толь многїя столѣ-
„тїя естьявное доказательство,
„что она благоволитъ въ сбе-
„реженїи оныхъ.„

Бѣдной жрецъ — которой Читателямъ нашимъ показался бы достойнымъ не столь великаго презрѣнїя, какое онъ уповательно въ нихъ возбудилъ къ себѣ, естьлибъ они могли заступить его мѣсто — препровелъ цѣлой вечеръ въ перечитыванїи и поправленїи главы о лягушкахъ, и углублялся въ утвержденїе системы своей новыми доводами такъ, что у него совершенно изъ головы вышло обѣщанїе, данное имъ Номофилаксу, увѣдомить его объ

успѣхѣ посѣщенія, сдѣланнаго Архонту. Онъ вспомнилъ о томъ не прежде, какъ въ сумерки отворилась дверь его кельи, и онъ увидѣлъ предъ собою самого *Номофилакса*.

„Я имѣю сообщить вамъ не много утѣшительнаго, сказалъ онъ; мы попались въ толь худыя руки, какъ я никогда не воображалъ себѣ. Архонтъ отрекся прочесть мою книгу, можетъ быть по тому, что онъ вообще *ничего читать не* можетъ.„ —

Въ томъ я не хотѣлъ ручаться, молвилъ Гитибоасъ.

„И онъ говорилъ въ такомъ тонѣ, котораго я отъ верховной Главы республики никогда ожидать не могъ„

Чтожъ онъ сказалъ?

„Благодарю небо, что я большую часть имъ сказаннаго опять позабылъ. Довольно онъ настоялъ въ томъ, чтобъ Академія предложила свое мнѣніе. —„

Пусть она не безпокоится о томъ, перервалъ его рѣчь Номофилаксъ; противоборцы лягушекъ найдутъ болѣе сопротивленія, нежели они чаяли. Но дабы не льзя было обвинять насъ, что мы предпріяли насильственныя мѣры, не испытавъ прежде кроткихъ, то вся сторона, на коей голосовъ менѣе, рѣшилась немедленно представить Сенату письменное представленіе, естьли жрецы Латонины согласятся въ нашемъ дѣлѣ соучаствовать.

„Со всею охотою, сказалъ Стилбонъ — я самъ сочиню представленіе, и докажу.„ —

Теперь, перебилъ его рѣчь Номофилаксъ, довольно будетъ краткаго сообщенія, которое я уже сочинилъ. Такое ученое перо, каково ваше, предоставимъ мы на послѣдній необходимой случай.

Хотя главной жрецъ склонился на то; однако еще той же ночи вознамѣрился написать небольшее разсужденіе, въ которомъ онъ систему свою о лягушкахъ Лятониныхъ хотѣлъ объяснить снова, и еще остроумнѣе, нежели то въ книгѣ его о древностяхъ Латонина храма сдѣлано было, предупредить всѣ возраженія, кои бы могли послѣдовать отъ философа Коракса. Предвидѣнныя стрѣлы

вредятъ менѣе, говорилъ онъ самъ себѣ. Я растолкую матерію такъ ясно и очевидно, что и самые простолюдимы въ ней удостовѣрены быть могутъ. Надобно быть развѣ чему нибудь чрезвычайному, чтобъ истинна именно въ семъ случаѣ потеряла свойственную ей силу надъ человѣческимъ разумомъ.

ГЛАВА VII.

Выписка изъ мнѣнія предложеннаго Академіею. Намѣреніе Кораксово при сочиненіи онаго. Защищеніе, въ которомъ Стилбонъ и Кораксъ одинаковое могутъ принимать участіе.

Тѣмъ временемъ, какъ всѣ сіи движенія между превозможенною въ Сенатѣ стороною и

между Латониными жрецами происходили, получила Академія инструкцію, внести чрезъ неделю въ Сенатъ свое мненіе, *какимъ удобнымъ средствомъ можно въ самоскорейшемъ времени воспрепятствовать чрезмерному размноженію лягушекъ* (не нарушая правъ Латоны).

Академія не преминула следующаго утра собраться. Поелику противоборцы лягушекъ составляли тогда самую большую оныя часть, то философу *Кораксу* препоручено было изготовить мненіе; при чемъ однакожъ напомянуто отъ Председателя, чтобъ онъ всячески остерегался замешивать Академію въ хлопоты съ духовенствомъ Латонинымъ.

Кораксъ обещался, что онъ употребитъ все свое благораз-

умїе, дабы сколько можно, пристойнымЪ образомЪ предложить истинну. Ибо кЪ *не возможному*, примолвилЪ онЪ, какЪ вы сами ученые мужи знаете, никто ни вЪ какомЪ случаѣ не обязанЪ.

Вы правду сказали, отвѣчалЪ Председатель: мои мысли туда единственно и клонились, чтобЪ вы *всевозможную* употребляли осторожность. Ибо Академїя конечно должна — *сколько возможно* — защищать *истинну*.

ОбЪ этомЪ-то я всегда твержу, отвѣтствовалЪ КораксЪ,

„ВЪ какое странное положенїе притти можетЪ честной человѣкЪ, когда имѣетЪ нещасстїе быть АбдеритомЪ!„ — сказалЪ КораксЪ самЪ про себя, когда онЪ приготовился писать мнѣнїе Академїи о лягушкахЪ. „ВЪ какомЪ другомЪ городѣ на

земномъ шарѣ вздумали бы предложить Академїи Наукъ такой запросъ? — Однакожъ Сенату должно еще вмѣнить въ честь, что онъ имѣлъ столько ума и рѣшимости, дабы спросить Академїю. Есть города въ свѣтѣ, которымъ ни въ чемъ до Академїи и дѣла нѣтъ. Надлежитъ признаться, что Абдериты при всей своей глупости попадали иногда на умную мысль!,,

И такъ Кораксъ присѣлъ за свой столикъ, и трудился съ такимъ расположенїемъ и привязанностїю къ своей работѣ, что еще до захожденїя солнечнаго написалъ свое мнѣнїе.

Поелику мы благосклонному Читателю, естьли не полное, то по крайней мѣрѣ достаточное сообщили извѣстїе

о системѣ главнаго жреца Стилбона; то требуетъ безпристрастіе, которое есть первою должностію повѣствователя, чтобъ мы увѣдомили его и о содержаніи онаго Академическаго мнѣнія по крайней мѣрѣ столько, сколько кажется быть нужнымъ для разумѣнія сей достопамятной исторіи.

„Верховной Сенатъ, говорилъ Кораксъ во вступленіи своего сочиненія, предполагаетъ въ доставленномъ Академіи высокомъ своемъ рѣшеніи, что число лягушекъ въ Абдерѣ превосходитъ теперь въ чрезвычайномъ и неимовѣрномъ степени число народа; и по тому избавляетъ Академію отъ неприятнаго труда, „сперва *доказывать* такое обстоятельство, „которое какъ нашему городу

„и всему свѣту извѣстное пред-
„ставляется глазамъ каждаго.„

„И такъ по видимому, при таковомъ свойствѣ дѣла долженствуетъ Академія придумать единственно средства, чрезъ которыя оное бѣдствіе въ самоскорѣйшемъ времени отвратить можно.„

„Но какъ лягушки въ Абдерѣ, по силѣ древняго и достопочтеннымъ учинившагося учрежденія и вѣры нашихъ предковъ, получили права и преимущества, въ коихъ мѣшать имъ многіе бы усомнились и даже почли не позволеннымъ; и какъ легко случиться могло бы, что единственными спасительными средствами, предлагаемыми Академіею въ настоящей крайности республики, по видимому нарушены бы были оныя дѣйстви

тельныя или мнимыя права Абдеритскихъ лягушекъ: то сколь соотвѣтственно цѣли, столь и необходимо нужно, напередъ рѣшить вопросъ: „какого свойства суть упоминаемыя нами лягушки?„

„По чему Академія при сей умозрительной части своего покорнѣйшаго мнѣнія испрашиваетъ отъ высокопочтенныхъ членовъ управляющаго Сената тѣмъ благосклоннѣйшаго внимания, что щастливой успѣхъ сего для всей республики толико важнаго дѣла вообще зависитъ отъ разобранія слѣдующаго предварительнаго вопроса: „можно ли лягушекъ въ Абдерѣ почитать *лягушками дѣйствительными*, или нѣтъ?„

Сіе изслѣдованіе составляло двѣ трети всего мнѣнія. Хи-

трой философъ памятуя твердо, что онъ обѣщалъ предосторожному своему Предсѣдателю, упоминаетъ о превращенїи Милитскихъ землѣдѣльцовъ токмо мимоходомъ и со всякимъ достодолжнымъ уваженїемъ къ древнимъ народнымъ сказкамъ. Онъ ссылаясь на книгу главнаго жреца Стилбона о древности храма Латонина, предполагаетъ оное превращенїе, какъ такое обстоятельство, которое не болѣе подвержено сомнѣнїю, какъ и превращенїе Нарцисса въ цвѣтъ, Цикна въ лебедя, Дафны въ лавровое дерево, или другое какое превращенїе, на толь же непреложномъ основанїи утверждающееся. Хотя бы и не было непозволительно или неприлично отрицать таковыя древнїя сказки; однакожъ, по мнѣнїю

его, было бы то безумно. Ибо какъ съ одной стороны не возможно достовѣрность ихъ опровергнуть историческими свидѣтельствами, а съ другой ни одинъ испытатель природы въ свѣтѣ не въ состоянiи, доказать совершенную оныхъ не возможность: то каждой умной человѣкъ не станетъ сомнѣваться объ оныхъ тѣмъ паче, что онъ ничего бы болѣе не сказалъ, какъ сущiй вздоръ: *это невѣроятно, это противно теченiю природы*, и подобныя симъ бредни, кои также самому несмысленному при первомъ взглядѣ пришли бы въ голову. И такъ онъ преобразованiе Милитскихъ земледѣльцовъ въ лягушекъ почитаетъ такимъ *обстоятельствомъ, которое основывается на себѣ самомъ*; утвер-

ждаетъ однакожъ, что въ истиннѣ онаго въ предлежащемъ случаѣ нѣтъ совершенно никакой нужды. Ибо никто не захочетъ отрицать, что Милитскіе люди въ видѣ лягушекъ еще тысячи за двѣ лѣтъ примерли — и положимъ также, чтобъ *Абдеритскія лягушки* могли довольно доказать происхожденіе свое отъ первыхъ; то онѣ бы еще ничего болѣе не доказали, какъ то, что онѣ съ незапамятуемыхъ временъ отъ отца къ сыну были настоящія *лягушки*. Ибо какъ многократно упоминаемые Милитскіе земледѣльцы съ минуты превращенія ихъ перестали быть людьми, то они съ той же минуты могли и раждать не иное что, какъ себѣ подобныхъ, а именно натуральныхъ лягушекъ. *Словомъ*,

лягушки суть лягушки, и обстоятельство, что первые ихъ родоначальники *до ихъ превращенія* были Милитскими земледѣльцами, перемѣняетъ столь же мало въ теперешней ихъ лягушечей сущности, сколь мало какой нибудь отъ тритцати двухъ предковъ рожденной нищій почитается Принцомъ, хотябъ можно было доказать, что первой нищій по поколѣнію своему происходилъ въ прямой линіи отъ *Нина и Семирамиды*. Послѣдователи противнаго мнѣнія кажется и сами то видѣли, такъ что для утвержденія мнимой высокой породы Абдеритскихъ лягушекъ должны были прибѣгнуть къ такому предположенію, которое возражать было бы излишно и не нужно.

Остроумной Читатель (разумѣется само по себѣ, что сіе сочиненіе иныхъ Читателей имѣть не можетъ) тотчасъ безъ нашего напоминанія замѣтитъ, что Кораксъ послѣдними словами намѣкалъ на изобрѣтенную главнымъ жрецомъ Стилбономъ *систему объ росткахъ* или *зародышахъ*, которую философъ — прежде нежели могъ выступить съ предложеніемъ своимъ объ уменьшеніи лягушекъ — долженствовалъ или *возразить*, или *привесть въ посмѣяніе*.

А какъ изъ сихъ обоихъ путей послѣдній былъ удобнѣйшій и соотвѣтственнѣйшій понятію мудрыхъ Совѣтниковъ, къ которымъ философъ прострал ъ рѣчь свою: то онъ удовольствовался тѣмъ, что изъ

непостижимой Стилбоновой гипотезы или предположенія вывелъ совершенную нелѣпость черезъ выкладку безконечной малости мнимыхъ отростковъ.

„Дабы вниманіе верховнаго Сената не обременить безъ нужды ариѳметическими тонкостями, говорилъ онъ, то примемъ, что сынъ самаго высокаго и дороднаго изъ превращенныхъ Милитянъ, содержался въ состояніи ростка или зародыша къ отцу своему какъ 1 къ 10,000000. Мы примемъ такъ, единственно для круглаго числа; хотя легко доказать можно, что самой большой зародышь есть покрайней мѣрѣ еще вдесятеро менѣе, нежели я опредѣлилъ его. Теперь, по мнѣнію жреца Стилбона, въ семъ зародышѣ находится по той же

пропорцїи уменьшенный зародышь внука, вЪ зародышѣ внука зародышь правнука, и такЪ вЪ каждомЪ послѣдующемЪ потомкѣ до тысячнаго колѣна, при каждомЪ колѣнѣ 10ю милїонами разЪ уменьшенный зародышь послѣдующаго; такЪ что зародышь живущей нынѣ Абдеритской лягушки, положимЪ чтобЪ она только вЪ тритцатомЪ степени отстояла отЪ своего прародителя, превращеннаго то есть Милитянина, что помянутой, говорю, зародышь, тогда какЪ находился зародышемЪ вЪ ономЪ прародителѣ своемЪ, долженствовалЪ быть во столько милїоновЪ, билїоновЪ, трилїоновЪ и проч. менѣе сырнаго червячка, что самой проворнѣйшїй писецЪ, какого верховной СенатЪ Абдерскїй

имѣетъ въ своей канцелярїи, въ двѣстѣ лѣтъ едва бы успѣлъ написать всѣ нули для означенїя сего числа; и вся область знаменитой республики (то есть, сколько ея не превращено еще въ пруды лягушечьи) едва ли имѣла бы довольно пространства для бумаги или паргаменту, на которомъ помѣстилось бы оное преогромное число. Академїя предоставляетъ разсмотрѣнїю Совѣта, есть ли въ свѣтѣ изъ всѣхъ малыхъ насѣкомыхъ такое самомалѣйшее, которое бы о толь безконечной малости могло себѣ сдѣлать понятїе? и можно ли думать, что достопочтенной жрецъ былъ тогда въ человѣческомъ умѣ, когда изобрѣталъ гипотезу свою объ отросткахъ или зародышахъ съ тѣмъ, чтобъ

мнимую святость Абдеритскихъ лягушекъ утверждать на весьма темномъ и непостижимомъ основанiи?„

„Академiя со всякимъ тщанiемъ остерегалась того, дабы безъ нужды не напрягать силы воображенiя мудрыхъ отцовъ отечества. Но естьли помыслить, коль кратка натуральная жизнь лягушекъ, и что наши лягушки нынѣшнiя по крайней мѣрѣ въ пятисотномъ степени происходятъ отъ крестьянъ Милитскихъ: то гипотеза достопочтеннаго жреца теряется въ такой безднѣ малости, что нелѣпо, и сказать правду, *жестоко* бы было, говорить о томъ болѣе хотя одно слово.„

„*Натура* (какъ славная надпись въ *Заисѣ* гласитъ) *есть все то, что есть, что было и*

что будетъ, и ея покрова не снималъ еще ни одинъ изъ смертныхъ. Академія, чувствуя живѣе нежели кто либо сію истинну, далека отъ того, чтобъ присвоивать себѣ какое либо особенное и глубочайшее проницаніе въ таинства, кои долженствуютъ остаться неисповѣдимыми. Она думаетъ, что суетно желаніе, узнать о происхожденіи организованныхъ существъ болѣе, нежели сколько чувства съ помощію продолжительнаго вниманія открыть могутъ. И естьли она и почитаетъ *позволительнымъ* то, чтобъ врожденному побужденію человѣческаго духа — которой стремится все постигнуть, — удовлетворять *гипотезами*: то все еще находитъ самою натуральнѣйшею ту гипотезу,

по которой зародыши одаренныхъ чувствами тѣлъ образуются тайными силами природы тогда, когда она въ оныхъ тѣлахъ дѣйствительно имѣетъ нужду. По сему объясненію зародышь каждаго нынѣ квакающаго жителя во всѣхъ болотахъ и прудахъ въ Абдерѣ есть не старѣе минуты его рожденія, и съ лягушкою, которая квакала во время войны Троянской, и отъ которой нынѣ живущая происходитъ въ прямой линіи, не имѣетъ ничего общаго какъ то, что натура обѣихъ произвела по одинакому образцу, одинакими орудіями и къ одинакой цѣли,,

Философъ Кораксъ, произнеся много доводовъ для утвержденія сего мнѣнія, выводитъ наконецъ слѣдствіе, что Аб-

дерскія лягушки суть столь же натуральныя, обыкновенныя и повседневныя, какъ и всѣ прочія лягушки въ свѣтѣ; и что по сему отличныя права, коими онѣ въ Абдерѣ пользуются, основаны не на преимуществѣ ихъ свойства и мнимомъ родствѣ съ людьми, но единственно на простонародной вѣрѣ, которая къ величайшему вреду республики оставлена на весьма долгое время не опредѣленною и во тьмѣ, и подъ защитою которой сила воображенія однихъ и корыстолюбіе другихъ имѣли свободную волю, дѣлать о помянутыхъ лягушкахъ нелѣпые и сумазбродные толки, чему внѣ Египта едва ли найдутся подобные примѣры въ свѣтѣ.

„Древности Абдеры (продолжаетъ онъ) не смотря на свѣтъ, распространенной на нихъ обильно достопочтеннымъ и ученымъ Стилбономъ, сокрыты все еще — такъ какъ древности всѣхъ городовъ въ свѣтѣ — во мглѣ, коея непроницаемость ищущему истинны испытателю мало оставляетъ надежды, удовольствовать когда либо свое любопытство. Да какая намъ и нужда, знать о томъ болѣе, нежели сколько мы знаемъ дѣйствительно? Какого бъ свойства ни было происхожденїе Латонина храма и священнаго его лягушечьяго пруда, сдѣлается ли Латона, когда мы сїе свойство знали бы, болѣе или менѣе *богинею*, ея храмъ болѣе или менѣе *храмомъ*, и ея лягушечїй прудъ

болѣе или менѣе *прудомъ лягушечьимъ?* — Латона долженствуетъ въ древнемъ своемъ храмѣ быть почитаема, и древній ея лягушечій прудъ долженствуетъ содержанъ быть въ надлежащемъ уваженіи. Какъ то, такъ и другое есть заведеніе нашихъ предковъ, почтенно по глубокой древности, утверждено обычаемъ толь многихъ вѣковъ, подкрѣплено безпрерывно продолжающеюся всеобщею вѣрою нашего народа, освящено и учинено неприкосновеннымъ законами нашей республики, кои охраненіе и защиту оной вѣры препоручили избраннѣйшимъ мужамъ. Но когда Латона, или Юпитеръ для Латоны, превратилъ Милитскихъ земледѣльцовъ въ лягушекъ: то слѣдуетъ ли изъ

того, что *всѣ* лягушки Латонины святы, и присвоили себѣ принадлежащее жрецамъ преимущество личной неприкосновенности? И когда мудрые предки наши обрѣли за благо въ вѣчное воспоминанíе онаго чуда, содержать въ округѣ Латонина храма небольшой лягушечiй прудъ: то слѣдуетъ ли изъ того, что вся Абдера должна превращена быть въ лужу для обитанiя лягушекъ?„

„Академiя весьма знаетъ то уваженiе, какимъ обязана нѣкоторымъ мнѣнiямъ и чувствованiямъ народа. Однакожъ суевѣрiе, въ которое оной всегда переходить готовъ, можно попускать только до тѣхъ поръ, пока оно не слишкомъ далеко выступаетъ за предѣлы безвредности. *Лягушки могутъ быть*

уважаемы: однакожъ людей приносить въ жертву лягушкамъ, было бы не справедливо. Цѣль, для которой Абдериты, наши предки, учредили священной прудъ, могла бы конечно достигнута быть одною только лягушкою. Но пусть такъ, что держанъ былъ цѣлой прудъ, наполненной ими; естьлибъ только оной одинъ и остался! Абдера бы не меньше была сильна, не меньше процвѣтала и блаженствовала. Только странное мнѣніе, что лягушекъ и прудовъ для нихъ никогда много быть не можетъ, довело насъ до того, что намъ теперь ничего на выборъ болѣе не остается — какъ, либо немедленно освободиться отъ сихъ тягостныхъ и чрезъ чуръ плодородныхъ согражданъ, или всѣмъ

вмѣстѣ съ непокрытыми головами и ногами необутыми поспѣшать въ храмъ Латонинъ, и преклонивъ колѣна молить ее неотступно до тѣхъ поръ, пока она возобновитъ надъ нами древнее чудо, и всѣхъ насъ, сколько ни есть, превратитъ также въ лягушекъ„

„Академія весьма грубо погрѣшила бы противъ мудрости старѣйшинъ и отцевъ отечества, когда бы хотя на минуту усомнилась, чтобъ средство, для предложенія котораго въ толь тѣсныхъ обстоятельствахъ она вызвана, единое средство, какое токмо она предложить въ состояніи, не было принято безпрекословно. Сіе средство имѣетъ всѣ верховнымъ Сенатомъ требуемыя свойства; оно въ нашей

власти, оно соотвѣтственно цѣли и дѣйствительно; оно не сопряжено ни съ какими издержками, но именно сберегаетъ оныя; и ни Латона, ни жрецы ея, при надлежащихъ ограниченiяхъ, не могутъ тому противоположить что либо.„

Теперь отгадай благосклонной Читатель, какоебъ это было средство? — Дабы его долго не задерживать, то скажемъ, что оно самое простѣйшее въ свѣтѣ. Оно есть нѣчто такое въ Европѣ съ давныхъ временъ до нынѣ весьма обыкновенное; такое, въ чемъ между всѣми Христiанами никто уже не находитъ на малѣйшаго сомнѣнiя — и отъ чего однакожъ, когда сiе мѣсто въ сочиненномъ разсужденiи читано было въ Сенатѣ Абдерскомъ,

у половины Совѣтниковъ волосы стали дыбомъ. Словомъ, средство, Академїею Абдерскою предложенное, для избавленїя себя отъ излишняго количества лягушекъ, состояло въ томъ, чтобъ — *ихъ на здоровье кушать*.

Сочинитель мнѣнїя утверждалъ клятвенно, что онъ во время путешествїй своихъ въ Аѳины и Мегару, въ Коринѳъ, Аркадїю и во многїя другїя мѣста видалъ, какъ ѣдятъ лягушекъ, да и самъ ѣлъ ихъ. Онъ увѣрялъ, что это весьма здоровая, питательная и вкусная пища, сжарить ли ихъ или приправить уксусомъ и деревяннымъ масломъ, сдѣлать ли изъ нихъ фрикасе, или запечь въ маленькихъ пастетахъ. Онъ вычислялъ, что такимъ образомъ

излишество лягушекъ доведено будетъ въ краткое время до умѣреннаго числа, также низкаго и средняго состоянія человѣку сдѣлано будетъ симъ новымъ съѣстнымъ припасомъ, по нынѣшней всего дороговизнѣ, не малое облегченіе. Хотяжъ происходящая оттуда выгода по свойству обстоятельствъ со дня на день уменьшаться должна, однакожъ таковой ущербъ достаточно замѣненъ будетъ, поелику исподоволь можно нѣсколько тысячь лягушечьихъ прудовъ и копаней высушить и превратить опять въ пашни; въ такомъ случаѣ по крайней мѣрѣ четвертая часть Абдерѣ принадлежащей земли опять будетъ выручена и достанется въ пользу жителямъ. Академія (примолвилъ онъ), разсматри-

вала оное дѣло со всѣхъ точекъ зрѣнія, и не можетъ предвидѣть, чтобъ со стороны Латоны или жрецовъ ея послѣдовало на то хотя малѣйшее возраженіе. Ибо что касается до самой богини, то безъ сомнѣнія она весьма оскорбилась бы однимъ токмо подозрѣніемъ, что будто бы лягушки для нея важнѣе, нежели Абдериты. Отъ жрецовъ ожидать можно, что они будучи добрыми гражданами и любителями своего отечества, не воспротивятся предложенію, по которому то, что доселѣ было величайшимъ бѣдствіемъ и злополучіемъ, превратилось бы единственно искуснымъ оборотомъ въ величайшую пользу. Но какъ справедливость требуетъ, чтобъ жрецамъ для общаго блага не сдѣ-

лать подрыву: то Академія совершенно того мнѣнія, чтобъ не токмо снова имъ споручительствовать въ неприкосновенности древняго лягушечьяго пруда при храмѣ Латониномъ, но и выдать узаконеніе; чтобъ съ той минуты, когда окороки или голяшки Абдерскихъ лягушекъ объявлены будутъ позволеннымъ съѣстнымъ припасомъ, то съ каждой сотни оныхъ взносима бы была въ Латонинъ храмъ пошлина отъ 2хъ до 3хъ *оболовъ* (*) Таковая пошлина, по весьма умѣренной смѣтѣ, составила бы въ короткое время сумму отъ тритцати до сорока тысячь драхмъ, и потому оная всѣ другія малыя выгоды храма Латонина, кои бы

(*) Бывшая у Аѳинянъ мѣлкая монета.

новымъ учрежденіемъ прекратились, наградила бы съ избыткомъ.

Наконецъ Философъ Кораксъ заключилъ свое мнѣніе слѣдующими достопримѣчательными словами: „ Академія думаетъ, что симъ сколько нужнымъ, столько общеполезнымъ предложеніемъ удовлетворила своей должности. Она въ разсужденіи исполненія по оному теперь совершенно покойна, поелику въ настоящемъ случаѣ подвержена опасности не болѣе, какъ и всѣ прочіе граждане въ Абдерѣ. Но какъ она увѣрена, что только явные *батрахосебисты* (защитники лягушекъ) могли бы противоборствовать толь необходимой перемѣнѣ: то надѣется, что благомыслящіе отцы отечества не допустятъ,

дабы толь смѣшная секта одержала верьхъ, и предъ глазами всѣхъ Грековъ и Варваровъ сдѣлала имени Абдеритовъ такое поносыдное пятно, котораго никакое время опять не загладитъ.

Трудно, о *намѣреніяхъ* человѣка судить по его *поступкамъ*, и *жестоко*, подозрѣвать въ худыхъ намѣреніяхъ, единственно потому, что поступокъ *могъ* произойти столь же легко по злому какъ и по доброму побужденію; но каждаго, котораго образъ мыслей не сходенъ съ нашимъ, почитать единственно за то худымъ человѣкомъ, есть *глупо*. И такъ хотя мы за подлинно сказать не можемъ, сколь *непорочны* были намѣренія Философа *Коракса* при сочиненіи сего мнѣнія: однакожъ не можемъ и не думать, что жрецъ

Стилбонъ въ старости своей зашелъ слишкомъ далеко, когда онъ помянутаго Коракса за сїе мнѣнїе обнесъ *явнымъ врагомъ боговъ* и *людей*, и обвинялъ его въ очевидномъ намѣренїи испровергнуть всякую религїю. Сколь ни удостовѣренъ былъ главной жрецъ Стилбонъ въ своей системѣ: однако при великомъ и непроизвольномъ различїи мыслей между бѣдными смертными, не есть не возможнымъ то, что Кораксъ въ истиннѣ *своихъ* мыслей столь же искренно удостовѣренъ былъ; что онъ Абдерскихъ лягушекъ въ сердцѣ своему почиталъ не болѣе, какъ и обыкновенныя лягушки, и думалъ, что предложенїемъ своимъ окажетъ своему отечеству дѣйствительно важную пользу. Между тѣмъ повѣствователь

со всею охотою допускаетъ то, что для насъ живущихъ, и въ разсужденіи того, что принятыя вообще въ Европѣ правила лягушкамъ мало благопріятствуютъ, есть крайне щекотливое дѣло, дать о семъ пунктѣ совершенно безпристрастной судъ.

Но какіебъ виды Философа Коракса ни были, по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ столь же мало свободенъ былъ отъ страстей какъ и главной жрецъ, и что онъ ревностно старался о пріумноженіи своихъ единомышленниковъ, дабы не возбудить подозрѣнія, будто тщеславіе сдѣлаться начальникомъ партіи, желаніе надъ Стилбономъ одержать побѣду, и гордая мысль, занять нѣкогда въ лѣтописяхъ Абдерскихъ важное

мѣсто, способствовали въ великомъ его усердіи по сему дѣлу лягушекъ столькожъ, какъ и его *добродѣтель*. Но чтобы онъ все, что ни сдѣлалъ, предпринималъ единственно по кощунству, сіе почитаемъ мы клеветою слабоумныхъ и пристрастныхъ людей, въ коихъ, какъ извѣстно, при таковыхъ случаяхъ (особливо въ малыхъ республикахъ) не бываетъ никогда недостатка.

Кораксъ употребилъ такія мѣры, что мнѣніе его во второмъ Академическомъ собраніи было единогласно принято. Ибо Предсѣдатель и трое или четверо почтенныхъ Членовъ, кои одни не хотѣли согласиться, уѣхали за день предъ тѣмъ въ свои помѣстья.

ГЛАВА VIII.

Академическое мнѣніе прочтено въ Совѣтѣ, и по разныхъ жестокихъ спорахъ единогласно положено, сообщить оное жрецамъ Латониным.

Мнѣніе Академіи вручено было въ назначенное время Архонту, и въ ближайшемъ засѣданіи Сената городовымъ писаремъ *Пиропсомъ*, явнымъ противоборцомъ лягушекъ, прочтено во все горло, и съ необычайно строгимъ наблюденіемъ всѣхъ запятыхъ, и прочихъ знаковъ препинанія.

Между тѣмъ *слабая сторона* всячески домогалась Архонта склонить къ тому, чтобъ онъ отсрочилъ исполненіе совѣтнаго опредѣленія, и созвалъ

еще чрезвычайное собранiе для подачи большинства голосовъ, не льзя ли дѣло, миновавъ Академiю, отдать въ руки судилищу Десятоначальниковъ. *Онокрадiй* принялъ сiе предложенiе съ тѣмъ, чтобъ передумать объ ономъ, однакожъ не смотря на неотступное ежедневно требованiе сей партiи отлагалъ свой отвѣтъ, будучи увѣренъ, что мнѣнiе къ ближайшему дню засѣданiя изготовлено будетъ.

Почему Номофилаксъ *Гипсибоасъ* и сообщники его не мало оскорбились, когда, по окончанiи обыкновенныхъ работъ, Архонтъ вынувъ изъ подъ мантiи своей большую тетрадь, объявилъ Сенату, что это есть мнѣнiе, которое, въ силу послѣдняго совѣтнаго рѣшенiя, препоручено было сочинить Ака-

деміи по извѣстному *щекотливому* дѣлу лягушекъ. Они всѣ вдругъ встали съ ропотомъ, обвиняли Архонта, что онъ поднялся на хитрости, и отозвались, что никогда не допустятъ прочесть помянутое мнѣніе.

Онокрадій, которой между другими малыми погрѣшностями натуральными имѣлъ и ту, что всегда горячился тамъ, гдѣ долженствовалъ быть хладнокровнымъ, и тамъ былъ хладнокровенъ, гдѣ ему горячиться надлежало, вознамѣрился отвѣчать съ великимъ жаромъ, естьлибъ Совѣтникъ *Меидій* не уговорилъ его, остаться въ покоѣ, и не мѣшать крику господъ Засѣдателей. Когда они все выболтаютъ, прошепталъ онъ ему на ухо, то уже болтать

будетъ нѣчего, и тогда они сами собою кричать перестанутъ.

Сіе случилось и дѣйствительно. Господа члены шумѣли, вопили, выходили на кулачной поединокъ, пока устали: и какъ наконецъ примѣтили, что ихъ никто не слушаетъ, то сѣли съ бормотаньемъ опять по своимъ мѣстамъ и — мнѣніе было прочтено.

Мы знаемъ манеръ Абдеритовъ, весьма скоро переходить изъ печальнаго положенія въ веселое, и при малѣйшемъ поводѣ къ смѣху терять совершенно изъ виду важную сторону предмета. Едва третья часть мнѣнія была прочитана, то уже оказалось дѣйствіе сего веселаго духа въ самыхъ тѣхъ, кои не задолго кричали изо всей мочи.

Вотъ что называется доказывать, молвилъ одинъ изъ Совѣтниковъ своему сосѣду, когда Пиропсъ остановился, дабы по тогдашнему обычаю понюхать чемерицы. Признаться надобно, сказалъ другой, что это мастерски написано. Посмотрѣлъ бы, сказалъ третій, какъ—то противополагать станутъ доводу, что лягушки наконецъ суть только лягушки. Я давно уже нѣчто такое замѣтилъ, сказалъ четвертой съ лукавымъ видомъ, однако пріятно слышать, что и ученые люди съ нами одного мнѣнія.

Продолжай, Г. городовой писарь, вскричалъ Меидій, ибо самое лучшее вѣрно слѣдуетъ еще впереди.

Пиропсъ читалъ далѣе. Совѣтники смѣялись такъ, что

должны были поддерживать свои животы при изчисленіи малости зародышей жреца Стилбона; но вдругъ опять призадумались, когда дошло до печальнаго выбора, и они представили себѣ, какое было бы для нихъ нещастіе, когдабъ они *цѣлымъ корпусомъ*, подъ предводительствомъ Архонта должны были отправиться въ храмъ Латонинъ, и еще вмѣнять себѣ за особенную милость превращеніе ихъ въ лягушекъ. Они протянули толстыя свои шеи и едва могли переводить дыханіе отъ одной только мысли, каково будетъ у нихъ на сердцѣ приономъ дивномъ происшествіи, расположены будучи со всею охотою, одобрить каждое средство, чрезъ которое могло бы отвращено быть такое бѣдствіе.

Но когда тайна обнаружилась, когда они услышали, что Академія не предлагала инаго средства, какъ лягушекъ, за коихъ бы они за минуту предъ тѣмъ ни мало не постояли, *перѣесть* — то какое перо могло бы описать изумленіе, ужасъ и досаду на то, что они въ надеждѣ своей обманулись, описать сіи страсти, вдругъ изобразившіяся на искривленныхъ лицахъ старыхъ Совѣтниковъ, кои составляли почти половину Сената. Они казались, какъ будтобъ отъ нихъ требовано было, чтобъ они родныхъ своихъ дѣтей изрубивъ запекли въ пастеты. Подвигнутые вдругъ непонятною силою предразсудка, вскочили они всѣ съ ужасомъ и крикомъ: что они ничего болѣе слушать не хо-

тятъ, и что они такого безбожія отъ Академіи никогда не ожидали.

Но вить вы слышите, что это обыкновенныя и натуральныя лягушки, которыя мы ѣсть будемъ, сказалъ Совѣтникъ Мендій. Не ѣдимъ ли мы павлиновъ, голубей и гусей, не смотря на то, что первые посвящены Юнонѣ и Венерѣ, а послѣднія Пріапу? Не кушаемъ ли мы на здоровье говядину, хотя Царевна и превращена въ корову? Или сомнѣваемся ли мы хотя мало употреблять въ пищу рыбы всякаго рода, хотя оныя находятся подъ покровительствомъ морскихъ боговъ?

Но рѣчь ни о гусяхъ, ни о рыбахъ, а объ лягушкахъ, вскричали старые Совѣтники и цеховые мастера; это совсѣмъ

иное. Правосудные боги! ѣсть лягушекъ Латониныхъ! Какъ человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ можетъ что нибудь такое взять себѣ въ голову?

Опомнитесь, Государи мои, молвилъ Совѣтникъ *Стенторъ*; вы вѣрно не захотите быть лягушкопоклонниками. —

Лучше *лягушкопоклонниками*, чѣмъ *лягушкоборцами*, отвѣчалъ *Номофилаксъ*, которой не хотѣлъ пропустить сей щастливой минуты, дабы сдѣлаться главою такой партіи, на раменахъ которой надѣялся онъ въ скоромъ времени достигнуть Архонтскаго сана.

Лучше быть всѣмъ другимъ на свѣтѣ, нежели лягушкоборцами, вскричали Совѣтники слабой стороны, и двое сѣдо-

бородыхъ цеховыхъ мастеровъ, кои къ нимъ присоединились.

„Государи мои, сказалъ Архонтъ Онокрадій, вскочивъ съ нѣкоторою запальчивостію съ слоновыхъ своихъ креселъ, когда лягушкопоклонники начали кричать такъ громко, что онъ боялся оглохнуть: предложеніе Академіи не есть еще опредѣленіе Сенатское; сядьте и внемлите разсудку, естьли можете! Я не надѣюсь, чтобъ былъ здѣсь кто нибудь, которой бы воображалъ, что мнѣ весьма хочется ѣсть лягушекъ. Да я найду способы, чтобъ и онѣ меня не сожрали. Но Академія, состоящая изъ ученѣйшихъ мужей въ Абдерѣ, должна знать, что она говоритъ. —

(Не всегда, проворчалъ Меидій сквозь зубы.)

„И поелику общая польза вопервыхъ долженствуетъ принимаема быть въ разсужденіе, и не справедливо, чтобъ лягушки людямъ — чтобъ люди лягушкамъ, хотѣлъ я сказать, были пожертвованы, такъ какъ Академія то ясно доказала; то я даю голосъ — чтобъ Академическое мнѣніе безъ дальнихъ околичностей сообщено было достопочтенному собранію жрецовъ Латониныхъ. Естьли можете сдѣлать лучшее предложеніе, то я первой оное подкрѣплять стану. Ибо я съ моей стороны ничего не имѣю противъ лягушекъ, доколѣ онѣ не причиняютъ вреда.„

А какъ предложеніе Архонтово было такое, которое обѣ партіи и безъ того должны бы были сдѣлать, то на сообщеніе

помянутаго мнѣнія хотя всѣ единодушно согласились, однакожъ спокойствіе въ Сенатѣ тѣмъ самымъ не возстановилось; и съ сего часа бѣдной городъ Абдера находился опять, подъ другими именами, превращеннымъ въ *ословъ* и *тѣней*.

ГЛАВА IX.

Верховной жрецъ Стилбонъ пишетъ книгу противъ Академіи. Ее никто не читаетъ; впрочемъ же на первой случай остается все по старому.

Каждой воображалъ себѣ, что главной жрецъ воспалится мщеніемъ противъ Академіи за ея мнѣніе, и не мало тому удивлялись, когда онъ, по наружности, оставался при томъ

такъ спокойнымъ, какъ будто бы оное дѣло отнюдъ до него не касалось.

Какія бѣдныя головы! сказалъ онъ, покачавъ своею, между тѣмъ какъ бѣгло просматривалъ мнѣніе; хотя надобно думать, что они вѣрно прочли мою книгу о древностяхъ, въ которой все очевидно доказано. Не понятно, какъ съ пятью здравыми чувствами можно быть столь глупымъ. Но я открою имъ разумѣніе. Я напишу книгу — такую, которую пусть всѣ Академіи въ свѣтѣ опровергаютъ, естьли могутъ.

Главной жрецъ *Стилбонъ* сѣлъ и написалъ книгу, втрое толще первой, которую Архонтъ Онокрадій читать не хотѣлъ; онъ доказывалъ въ ней, что сочинитель Академическаго

мнѣнія не имѣетъ человѣческаго смысла; что онъ невѣжда, которой даже не вникалъ, что нѣтъ ничего великаго и нѣтъ ничего малаго въ природѣ; не знаетъ, что вещество можетъ дѣлится до безконечности, и что безконечная малость зародышей (хотябъ принять ее и безконечно менѣе, нежели какъ то сдѣлалъ Кораксъ въ посмѣянія достойной своей выкладкѣ) ничего не доказываетъ противъ ихъ *возможности*. Онъ систему свою о лягушкахъ Абдеритскихъ подкрѣплялъ новыми доводами, и съ крайнею точностію и подробностію отвѣчалъ на всѣ возможныя возраженія, которыя онъ самъ противъ своихъ доводовъ дѣлалъ. Воображеніе его притомъ разгорячилось, и желчь разлилась такъ,

что онъ употреблялъ весьма язвительныя рѣчи противъ своихъ соперниковъ, обвинялъ ихъ въ умышленной и закоснѣлой ненависти къ истиннѣ, и давалъ знать довольно ясно, что такіе люди со всѣмъ не могутъ быть терпимы въ благоучрежденной области.

Сенатъ Абдерскій ужаснулся, когда Архонтъ спустя нѣсколько мѣсяцовъ (ибо Стилбонъ, хотя писалъ денно и ночно, не могъ скорѣе управиться съ своею работою,) представилъ Совѣту книгу главнаго жреца, которая была толь огромна, что онъ для забавы велѣлъ двумъ самымъ широкоплечимъ разнощикамъ въ Абдерѣ притащить ее на носилкахъ и положить на большой совѣтнической столъ. Чле-

ны увидѣли, что не было никакой возможности, прочесть толь пространное и плодовитое сочиненіе. По чему большинствомъ голосовъ рѣшено, оное сочиненіе прямо отослать къ Философу *Кораксу*, съ препорученіемъ, чтобъ онъ нужныя съ своей стороны на то возраженія доставилъ письменно, и какъ можно скорѣе, правительствующему Архонту.

Кораксъ стоялъ въ то время среди толпы молодыхъ весельчаковъ въ сѣняхъ своего дому, какъ разнощики пришли къ нему съ ученымъ ихъ грузомъ. Когда онъ отъ Сенатскихъ вѣстовыхъ, провожавшихъ оной, узналъ, за чѣмъ они присланы, то между собраніемъ Философа поднялся такой громкой смѣхъ, что можно было

его слышать чрезъ три или четыре улицы до самой совѣтной комнаты. Жрецъ Стилбонъ весьма хитрой человѣкъ, сказалъ наконецъ Кораксъ; онъ точно выбралъ самое надежнѣйшее средство, чтобъ его не опровергли. Однако онъ увидитъ, что въ своей надеждѣ обманулся! Мы покажемъ ему, что можно сдѣлать возраженіе на книгу, не читавъ оной.

Кудажъ намъ сложить? спросили разнощики, кои уже довольно времени стояли съ своею ношею, не понимая ни мало всѣхъ замысловатыхъ шутокъ ученыхъ господъ.

Въ моемъ маломъ домѣ нѣтъ мѣста для такой огромной книги, сказалъ Кораксъ.

Знаете ли что, прервалъ его рѣчь одинъ изъ молодыхъ

Философовъ; поелику книга писана съ тѣмъ, чтобъ ее не читали, то отправьте ее въ *Сенатскую библіотеку*. Тамъ она лежать будетъ безопасно, и въ пыли на палецъ толщиною сохранится безъ прочтенія до позднѣйшаго потомства.

Выдумка хороша, сказалъ Коракс̑. *Друзья мои*, продолжалъ онъ къ разнощикамъ, вотъ вамъ двѣ драхмы за работу; отнесите вашъ грузъ въ Сенатскую библіотеку, и не заботьтесь болѣе ни о чемъ; я все дѣло возьму на свой отчетъ.

Стилбонъ, которому судьба книги, стоившей ему столь много времени и трудовъ, не могла долго оставаться не извѣстною, не зналъ отъ изумленія и ярости куда дѣваться.

Великая Латона, восклицалъ онъ одинъ разъ за другимъ, въ какія времена живемъ мы! что дѣлать съ такими людьми, кои слушать не хотятъ? — Но какая мнѣ до того нужда! я должность свою исполнилъ. — Естьли они не хотятъ слушать, то не моя печаль! Я не примусь болѣе за перо, не пошевелю болѣе пальцомъ для толь неблагодарнаго, непросвѣщеннаго и несмысленнаго народа.

Такъ думалъ онъ въ первыхъ своихъ движеніяхъ: но доброй жрецъ обманывалъ самъ себя сею своею рѣшимостію. Его самолюбіе было оскорблено, и онъ не могъ остаться въ покоѣ. Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ о томъ, (и онъ чрезъ всю ночь не могъ думать ни о чемъ иномъ) тѣмъ силь-

нѣе чувствовалъ онъ себя удостовѣреннымъ, что не позволительно ему отступиться отъ справедливаго своего дѣла.

Номофилаксъ и прочїе непрїятели Архонта Онокрадїя не пропустили, рвенїе его совершенно воспламенить своими подстреканїями. Держаны были почти ежедневно сходьбища для совѣтованїя о мѣрахъ, кои предпринять нужно, дабы внѣдривающемуся неустройству и злочестїю (какъ то Стилбонъ называлъ) всячески воспрепятствовать.

Но времена дѣйствительно весьма перемѣнились. Стилбонъ не былъ Стробиломъ. Народъ зналъ его мало, и онъ не имѣлъ тѣхъ дарованїй, коими помянутой его предшественникъ съ

гораздо меньшею ученостїю прїобрѣлъ себѣ уваженїе въ Абдерѣ. Почти всѣ молодые люди обоего пола заразились *правилами Филосоѳа Коракса*. Большая часть Совѣтниковъ и почетныхъ гражданъ склонились безъ *правилъ* къ той сторонѣ, гдѣ можно было наиболѣе посмѣяться. Даже между простою чернью *площадныя пѣсни*, коими нѣкоторые Стихокропатели секты Кораксовой наполнили городъ, произвели толь хорошее дѣйствїе, что на первой случай мало оставалось надежды, привести народъ въ волненїе такъ легко, какъ то случалось прежде. Но къ большему еще неудовольствїю была причина думать, что нѣкоторые изъ *самихъ жрецовъ* находятся въ тайной связи съ противоборцами

лягушекъ. Въ самомъ дѣлѣ подозрѣнїе было основательно, что жрецъ *Памфагъ* намѣревался, тогдашнїя обстоятельства употребить въ пользу, и бѣднаго Стилбона оттереть отъ мѣста, къ которому онъ (какъ Памфагъ подъ рукою давалъ знать) отнюдъ не способенъ по совершенной своей въ дѣлахъ неопытности при толь сомнительныхъ обстоятельствахъ.

Однакожъ *Батрохосебисты* (лягушкопоклонники) не смотря на то составляли нарочитую партїю, и Гипсибоасъ былъ столь ловокъ и проворенъ, что умѣлъ оную всегда содержать въ движенїи, которое не одинъ разъ моглобы сопровождаться худыми слѣдствїями, естьлибъ партїя противная —

довольствуясь одержанными победами, и не расположена будучи перевѣсъ въ ея рукахъ находящiйся подвергать опасности — не пребывала въ бездѣйствiи, и не избѣгала тщательно всего то, что могло бы подать поводъ къ необычайнымъ движенiямъ. Ибо хотя принадлежащiе къ оной сектѣ *по видимому* и не отрекались отъ имени *Батрохофаговъ* (лягушкоборцовъ), и лягушки Латонины доставляли обыкновеннѣйшую матерiю къ острымъ замысламъ въ ихъ собранiяхъ; однакожъ они по Абдеритскому своему манеру болѣе ни о чемъ и не заботились, а потому лягушки не смотря на мнѣнiе Академiи и шутки Философа Коракса оставались все еще въ покоѣ, и не будучи снѣдаемы во влад-

нїи города и республики Абдерской.

ГЛАВА X.

Чудная развязка всей трагической комедїи Абдеритовъ.

Весьма вѣроятно лягушки Латонины пользовались бы еще долго своею безопасностїю, естьлибъ по нещастїю въ слѣдующее лѣто не навалилось вдругъ несказанное множество разноцвѣтныхъ мышей и крысъ на поля нещастной республики, и тѣмъ самымъ не исполнили совсѣмъ безвиннаго и не нарочно выговореннаго предвѣщанїя Архонта Онокрадїя.

Лягушками и мышами съѣденымъ быть въ одно время, это было для бѣдныхъ Абдери-

товъ слишкомъ много. Они стали о семъ дѣлѣ разсуждать съ важностію.

Лягушкоборцы безъ дальнихъ околичностей настояли на то, чтобъ предложеніе Академіи не медленно произведено было въ дѣйство.

Батрохосебисты кричали: желтыя, зеленыя, голубыя, красныя, и блохина цвѣту мыши, кои въ немногіе дни причинили ужасное опустошеніе на поляхъ Аблерскихъ, суть видимыя казни за безбожіе *Батрохофаговъ*, и явно Латоною ниспосланы, дабы совершенно истребить городъ, сдѣлавшійся недостойнымъ покровительства богини.

Тщетно доказывала Академія, что желтыя, зеленыя и блохина цвѣту мыши не болѣе

мышей другихъ; что тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго; что въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ находятся подобные примѣры; и что теперь, когда помянутыя мыши по видимому рѣшились, Абдеритамъ и безъ того не оставить ничего инаго въ пищу, крайне нужно, наградить убытокъ, причиненной обоими общими врагами республики, по крайней мѣрѣ съѣстною половиною, а именно лягушками.

Тщетно предлагалъ жрецъ *Памфагъ*, чтобъ лягушекъ впредь опредѣлить для обыкновеннаго жертвоприношенія, и когда голова и внутренность будутъ богинѣ пожертвованы, то бы въ честь ихъ снѣдать лягушечьи окорока или голяшки, какъ жертвенное мясо.

Народъ, устрашенной повсемѣстною язвою, которую могъ себѣ представлять не иначе, какъ подъ видомъ карающей мести разгнѣванныхъ боговъ, и будучи подущаемъ предводителями лягушечьей партіи, сбѣжался толпами къ Сенату, и грозилъ, не оставить у Господъ членовъ *ни одной живой кости*, когда они тотчасъ не найдутъ способовъ къ избавленію города отъ погибели.

Доброй совѣтъ еще никогда не былъ такъ нуженъ въ Сенатѣ Абдерскомъ, какъ въ сіе время. Сенаторы потѣли кровавымъ потомъ. Они били себя по лбу; но оной отдавался глухо. Чѣмъ болѣе они думали, тѣмъ менѣе могли доискаться, что имъ надобно было дѣлать. Народъ не хотѣлъ отступать, и кляв-

ся, всѣмъ лягушкопоклонникамъ и лягушкоборцамъ посломать шеи, когда они не изобрѣтутъ спасительнаго средства.

Наконецъ Архонтъ *Онокрадій*, какъ будтобъ вдохновенной всталъ вдругъ съ своихъ креселъ. — Слѣдуйте за мною, сказалъ онъ Совѣтникамъ, и съ поспѣшностію вышелъ на мраморной балконъ, назначенной для публичныхъ рѣчей къ народу. Глаза его блистали необычайнымъ сіяніемъ; и весь видъ его имѣлъ въ себѣ нѣчто величественное, чего ни въ одномъ Абдеритѣ никогда примѣчено не было. Совѣтники слѣдовали за нимъ въ безмолвіи и въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

„Послушайте меня, мужи Абдерскіе, вѣщалъ *Онокрадій* голосомъ ему несвойственнымъ

Язонъ, мой великой родоначальникъ, низшелъ съ обители боговъ, и внушаетъ мнѣ въ сїю минуту средство, могущее спасти всѣхъ насъ. Подите каждой по своимъ домамъ, соберите всѣ ваши рухляди и пожитки, и завтра при восходѣ солнечномъ явитесь съ женами и дѣтьми, лошадьми и ослами, волами и овцами, словомъ, со всѣмъ вашимъ стяжанїемъ предъ храмъ Язоновъ. Оттуда въ предшествїи златаго руна, онаго священнаго Палладїума Абдеритовъ, выберемся мы изъ сихъ богами уничиженныхъ стѣнъ, и станемъ искать въ пространныхъ ровнинахъ плодоносной Македонїи другаго жилища, пока гнѣвъ боговъ укротится, и намъ или чадамъ нашимъ опять позволено будетъ, подъ щаст-

ливыми предзнаменованіями возвратиться въ прекрасную Абдеру. Губительныя мыши, когда ничего болѣе для снѣденія не найдутъ, переѣдятъ сами себя, а что касается до лягушекъ — то пусть хранитъ ихъ Латона! Подите дѣти мои, изготовьтесь къ пути. Завтра при восходѣ солнца прекратятся всѣ наши бѣдствія.,,

Весь народъ одобрилъ слова вдохновеннаго Архонта радостнымъ крикомъ, и въ ту минуту единодушіе поселилось во всѣхъ Абдеритахъ. Пылкое воображеніе ихъ вдругъ разгорячилось. Новые виды, новыя сцены щастія и радости мечтались умамъ ихъ. Пространныя ровнины щастливой Македоніи представлялись глазамъ ихъ, какъ Елисейскія поля. Они ды-

шали уже благораствореннҍйшимъ воздухомъ, и горҍли желанiемъ выдраться изъ атмосферы, отъ лягушечьихъ болотъ огустҍвшей и разстилающейся надъ постылою ихъ отчизною. Всҍ спҍшили снаряжаться къ походу, которой за нҍсколько минутъ предъ тҍмъ ни одному человҍку и во снҍ не грезился.

На слҍдующее утро весь народъ Абдерскiй изготовился къ пути. Все, чего они изъ пожитковъ своихъ не могли взять съ собою, оставили безъ сожалҍнiя въ своихъ домахъ, столько нетерпҍливы они были переселиться въ такое мҍсто, гдҍ они не будутъ уже мучимы ни мышами, ни лягушками.

На четвертое утро ихъ выступленія встрѣтился съ ними Царь *Кассандръ*. Стукъ шествія ихъ слышанъ былъ издали, и пыль, поднимавшаяся отъ нихъ столбомъ, помрачала дневной свѣтъ. *Кассандръ* велѣлъ своей свитѣ остановиться, и послалъ нарочнаго освѣдомиться, что бы такое было.

Государь, сказалъ возвратясь посланной, это Абдериты, которые отъ лягушекъ и мышей не могли болѣе оставатся въ Абдерѣ, и ищутъ другаго жилища.

Когда такъ, то это конечно Абдериты, сказалъ *Кассандръ*.

Между тѣмъ появился *Онокрадій* съ отборными Совѣтниками и гражданами для представленія Царю своей нужды.

Сїе дѣло показалось Кассандру и его царедворцамъ толь забавнымъ, что они со всею своею учтивостїю не могли удержаться отъ того, чтобъ изо всей мочи не насмѣяться Абдеритамъ въ глаза; и Абдериты увидя весь дворъ смѣющимся, *почли за долгъ свой* смѣяться вмѣстѣ и сами.

Кассандръ обѣщалъ имъ свое покровительство, и назначилъ имъ мѣсто при границахъ Македонїи, гдѣ они могли бы пробыть до тѣхъ поръ, пока найдутъ средства съ лягушками и крысами своего отечества заключить надлежащїй и справедливой договоръ.

Съ сего времени почти ничего не извѣстно о приключенїяхъ Абдеритовъ. Однако подлинно то, что они нѣскол-

ко лѣтъ спустя послѣ онаго страннаго изъ отечества удаленія (достовѣрность котораго несомнительна по свидѣтельству сокращеннаго *Юстиномъ* Историка *Трога Помпея* Кн. XV. гл. 2) возвратились опять въ Абдеру. Надобно думать, что они въ Македоніи оставили *крысъ, въ головахъ ихъ находящихся*, кои въ оныхъ причиняли гораздо болѣе бѣдствія, нежели всѣ крысы и лягушки въ ихъ городѣ и республикѣ. Ибо съ *сей эпохи* исторія о нихъ ничего болѣе не повѣствуетъ, кромѣ того, что они подъ покровительствомъ Македонскихъ Царей и Римлянъ провождали чрезъ нѣсколько столѣтій тихую и спокойную жизнь: и какъ они были уже не умнѣе и не глупѣе другихъ

народовъ имъ подобныхъ, то Историкамъ и не подали случая, говорить о нихъ ни доброва ни худова.

Для оказанія впрочемъ благосклоннымъ Читателямъ нашимъ совершеннаго опыта нашей искренности, не скроемъ мы отъ нихъ, что — естьли вѣрить старшему *Плинію* и представленному отъ него свидѣтелю *Варрону* — городъ *Абдера* былъ не одинъ въ свѣтѣ, которой толь маловажными непріятелями, каковы лягушки и мыши, лишенъ натуральныхъ своихъ жителей. Ибо *Варронъ* упоминаетъ не токмо объ одномъ городѣ въ *Гишпаніи*, разоренномъ отъ *кроликовъ*, и другомъ отъ *кротовъ*, но и объ одномъ городѣ въ *Галліи*, котораго жители, такъ какъ Абде-

риты, принуждены были уступить мѣсто лягушкамъ. Однако, какъ Плиний не именуетъ ни города, въ которомъ сіе нещастіе приключилось, ниже сказываетъ, въ которомъ изъ безчисленныхъ сочинений ученаго *Варрона* почерпнулъ онъ сей анекдотъ: то думаемъ, что не нарушимъ уваженія, которымъ обязаны мы ему, какъ великому мужу, когда станемъ догадываться, что память его, на твердость которой онъ не рѣдко полагался слишкомъ много, подставила ему вмѣсто *Өракіи* Галлію; и что городъ, приведенной *Варрономъ*, былъ не иной, какъ самая наша Абдера.

Симъ убо да довершится памятникъ, которой мы оной республикѣ, нѣкогда толико славной, но чрезъ толь многія

столѣтія паки забытой, соорудить безъ сомнѣнія подвигнуты были пекущимся о ея славѣ Геніемъ; не теряя надежды, что сей памятникъ, хотя составленъ изъ слабыхъ матеріаловъ, каковы суть странныя мысли и забавныя глупости Абдеритовъ, продолжится дотолѣ, пока нація наша доживетъ до того щастливаго времени, когда сія исторія ни до кого болѣе касаться не будетъ, никого не станетъ занимать, никому болѣе не наскучитъ и никого не развеселитъ; кратко сказать, когда Абдериты *никого болѣе не* увидятъ *подобнаго имъ*, и такимъ образомъ приключенія ихъ будутъ столь же не вразумительны, какъ были бы для насъ сказки изъ другой какой либо Планеты; пока, говорю, нація

наша доживетъ до того времени, которое можетъ быть уже не далеко, когда отроки въ первомъ поколѣнїи девятаго надесять вѣка будутъ столько умнѣе, сколько отроки въ послѣдней четверти осьмагонадесять мечтаютъ быть умнѣе мужей вѣка предыдущаго — или когда всѣ Книги о воспитанїи, коими со времени десяти лѣтъ мы толь щедро надѣлены, и еще надѣляемы бываемъ ежедневно, сопровождатися будутъ хотя десятою токмо частїю тѣхъ вожделѣнныхъ успѣховъ, коихъ надѣяться заставляютъ насъ благомыслящїе оныхъ Книгъ сочинители.

КЛЮЧЪ

Къ Исторіи Абдеритовъ.

Когда Гомеровы стихотворенія изданы были въ свѣтъ между Греками, то народъ, во многихъ случаяхъ съ простымъ человѣческимъ разсудкомъ видящій обыкновенно правильнѣе, нежели иные съ глазами учеными, имѣлъ довольно ума къ замѣчанію, что въ сихъ великихъ геройскихъ басняхъ, не смотря на удивительныя, чудныя и невѣроятныя вещи, коими оныя наполнены толь обильно, что кормилица могла довольно оттуда почерпать для усыпленія своего дитяти, что въ оныхъ, говорю, басняхъ содержится болѣе мудрости и наставленія, нежели въ иной

Милитской бабьей сказкѣ; и мы видимъ изъ письма Горацїева къ Лоллїю, и изъ сочиненїй Плутарховыхъ, которой воспользовался стихотворенїями Гомеровыми, и научилъ ими пользоваться другихъ, что спустя еще многїя столѣтїя послѣ Гомера разумнѣйшїе свѣтскїе люди между Греками и Римлянами думали, что познанїю истиннаго и полезнаго, ложнаго и вреднаго, познанїю того, сколько человѣкъ добродѣтелїю и мудростїю произвести силенъ, можно изъ Гомеровыхъ басенъ научиться также хорошо, и еще лучше, нежели изъ самыхъ тонкихъ и отвлеченныхъ или краснорѣчивѣйшихъ Стоическихъ Моралистовъ. Пустымъ головамъ (ибо способныхъ научали лучшему) предоставлено было при-

лѣпляться единственно къ наружной матеріальной части оныхъ вымысловъ Поэта; но умные люди чувствовали и познавали духъ, оживотворявшій сіе тѣло, и не хотѣли разлучать того, что Муза соединила нераздѣлимымъ союзомъ, а именно разлучать истинное подъ покровомъ чуднаго, и полезное, искусствомъ не всякому открытымъ, соединенное съ изящнымъ и пріятнымъ.

Что со всѣми человѣческими дѣлами происходитъ, то произошло и въ семъ случаѣ. Ученые позднѣйшихъ временъ не удоволствуясь въ поэмахъ Гомеровыхъ находить предостерегающіе или ободряющіе примѣры, поучительное зерцало человѣческой жизни въ разныхъ ея состояніяхъ, отношеніяхъ

и видахъ, захотѣли проникнуть еще глубочае, видѣть еще болѣе, нежели ихъ предки; и такимъ образомъ открыли (ибо чего не могутъ открыть тѣ, кои взяли себѣ въ голову, открывать что либо?) въ томъ, что было токмо *примѣромъ*, *Аллегорїю*, открыли во всемъ, даже въ простыхъ машинахъ и декорацїяхъ стихотворческаго театра, мистической смыслъ, и на конецъ въ каждой особѣ, въ каждомъ приключенїи, въ каждой картинѣ, въ каждой малой баснѣ, Богъ знаетъ какїя таинства Герметическаго, Орфеева и магическаго любомудрїя, о которомъ доброй Стихотворецъ въ невинности своего сердца вѣрно помышлялъ столь же мало, какъ Виргилїй, что спустя тысячу двѣсти

лѣтъ послѣ его смерти будутъ злыхъ духовъ заклинать его стихами.

Между тѣмъ не примѣтно учинились существенною принадлежностїю Эпической поэмы (каковымъ именемъ обыкновенно назывались большїя героическїя стихотворныя басни), чтобъ она кромѣ *настоящаго* смысла и нравоученїя, съ перваго взгляду въ ней встрѣчающагося, имѣла еще другой тайной аллегорической смыслъ — по крайней мѣрѣ сїе вздорное понятїе овладѣло головами Италїанцовъ, равно какъ Гишпанцовъ; и весьма смѣшно видѣть, коль великой, безполезной трудъ принимаютъ на себя истолкователи, или даже самые Поэты, дабы изъ *Амадиса* и *Роланда*, изъ Трессиновой *освобожденной Италїи*,

или *Камуенсовой Лузіады*, даже изъ *Адона* Марикова вывести всѣ роды умозрительныхъ, политическихъ, нравственныхъ, естественныхъ и богословскихъ аллегорій. А какъ Читатели не могли проникать въ сіи таинства собственными силами; то дабы они не лишились толь блистательныхъ сокровищъ, не обходимо надлежало, сообщить имъ *ключь* къ онымъ; и симъ самымъ ключемъ было истолкованіе иносказательнаго или скрытнаго смысла; хотя Поэтъ обыкновенно по окончаніи уже всего труда своего думалъ о томъ, какія сокровенныя сходства, подобія и примѣненія могутъ выведены быть изъ его вымысловъ.

Что во многихъ Стихотворцахъ было единственно уго-

жденіемъ господствующей модѣ, отъ которой они отступить не отваживались, то учинилось для другихъ дѣйствительною цѣлію и главнымъ предметомъ. Славной Зодіакъ жизни такъ называемаго *Палингенія*, *Аргенида Барклаева*, *Волшебница Шпенцерова*, *Новая Атлантида Гжа. Манлей*, *Малабарскія Принцессы*, *сказка о бочкѣ*, исторія о *Иоганнѣ Буллѣ* и множество другихъ сочиненій сего рода, коими особливо изобиловалъ шестнатцатой и семнатцатой вѣки, были по свойству и намѣренію своему *иносказательны*, и потому безъ ключа не могли быть понимаемы, хотя нѣкоторыя изъ оныхъ, на прим. Шпенцерова Волшебница, и аллегорическія сатиры Свифтовы суть такого свойства, что

каждой умной и въ вещахъ свѣдущій человѣкъ можетъ ключь къ онымъ безъ посторонней помощи прiискать въ собственнои головѣ своей.

Сего краткаго замѣчанiя довольно будетъ для показанiя тѣмъ, кои еще никогда не думали, какимъ образомъ произошло, что во многихъ умахъ поселился нѣкоторой родъ общаго предразсудка и вѣроятнаго мнѣнiя, будтобъ каждая Книга, похожая на сатирической Романъ, содержитъ сокровенной смыслъ, и слѣдственно потребенъ ключь къ оной. А потому и издатель настоящей исторiи примѣтя, что большая часть изъ великаго числа Читателей, коимъ сочиненiе его имѣло щастiе попасться въ руки, были удостовѣрены, что еще въ онымъ

сокрыто болѣе, нежели сколько словами означается съ перваго взгляду, и слѣдственно къ исторїи Абдеритовъ желали получить ключь, яко необходимое средство къ совершенному разумѣнїю толь любопытной Книги, а потому, говорю, и издатель отнюдъ не поскучалъ симъ часто до его слуха доходящимъ требованїемъ любезныхъ его Читателей; но напротивъ того въ благодарность за вниманїе ихъ поставилъ себѣ долгомъ, при нынѣшнемъ новомъ и полномъ напечатанїи подлинника, сколько состояло въ его силахъ, удовлетворить оному требованїю, и имъ яко ключь, или вмѣсто требованнаго ключа (что въ самомъ дѣлѣ одно и тоже) сообщить все, могущее служить къ основательному разумѣнїю и

полезному употребленію сего для удовольствія всѣхъ умныхъ и для наученія и наказанія всѣхъ д***въ написаннаго сочиненія.

На сей конецъ находитъ онъ за нужное, Читателямъ своимъ прежде всего сообщить исторію происхожденія оной Книги, безъ поддѣлки и собственными словами сочинителя хотя мало извѣстнаго, котораго однакожъ труды съ 1753 года весьма многіе принимаютъ съ благосклонностію.

„Былъ (такъ гласятъ слова сочинителевы) — былъ одинъ прекрасной осенній вечеръ въ 177*мъ году; я находился одинъ въ верхнемъ жильѣ моего дому и смотрѣлъ — ибо я не стыжусь признаться, когда со мною случается что нибудь

человѣческое — смотрѣлъ отъ скуки въ окно; поелику уже съ нѣсколькихъ недѣль Генiй мой оставилъ меня совершенно. Я не могъ ни думать, ни читать. Казалось, что огонь моего духа погасъ, и всѣ мои мысли отлетѣли прочь. Я былъ *глупъ*, но къ сожалѣнiю! не имѣя участiя въ *блаженномъ состоянiи* глупости, не имѣя ни мало того гордаго удовольствiя самимъ собою, того непоколебимаго удостовѣренiя, чувствуемаго иными людьми, по которому все, что они думаютъ, говорятъ, во снѣ видятъ, есть истинно, остроумно, премудро, и достойно высѣченнымъ быть на мраморѣ — не имѣя того удостовѣренiя, которое, какъ родимое пятно, дѣлаетъ подлиннаго сына великой богини при-

мѣтнымъ и щастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Словомъ, я былъ самъ себѣ въ тягость, тщетно стараясь вытти изъ непріятнаго моего положенія; и какъ сказано, доведенъ до того, что въ малое довольно неспособное окно зѣвалъ на свѣтъ, не зная, что я видѣлъ, и не видя ничего такого, чтобъ достойно было знанія. Вдругъ показалось мнѣ, какъ будто я слышу голосъ — правда ли то была *или* мечта, этова я не хочу рѣшить — которой говорилъ мнѣ: сядь и напиши исторію Абдеритовъ! и внезапно голова моя озарилась свѣтомъ. Такъ, подлинно, думалъ я, Абдеритовъ! что можетъ быть естественнѣе? Я напишу исторію Абдеритовъ! какъ могло

статься, что я уже давно не попалъ на толь натуральную мысль? И такъ я сѣлъ и писалъ, справлялся въ Книгахъ, собиралъ оттуда матеріалы для сочиненія моей, приводилъ въ порядокъ, переписывалъ, и любо было смотрѣть, какъ плавно шло мое сочиненіе.„

„Между тѣмъ, какъ я былъ въ духѣ или самомъ лучшемъ расположеніи писать, (продолжаетъ Авторъ нашъ въ чистосердечной своей исповѣди) пришла мнѣ на умъ странная мысль, или какъ бы то ни называлось, дать волю моему воображенію, и въ представленіи предметовъ простираться до тѣхъ поръ, пока не выступятъ они за предѣлы вѣроятія. Дѣло касается

только до Абдеритовъ, думалъ я, и противъ Абдеритовъ погрѣшить не можно; они суть не иное что, какъ куча дураковъ; глупыя замашки, имъ исторїею вмѣняемыя, толь велики, что оправдаютъ всѣ нелѣпости, какїя бы ты на нихъ ни всклепалъ. По чему признаюсь безъ закрытїя — и когда погрѣшилъ, то да проститъ меня Богъ! — признаюсь, что я напрягалъ безъ пощады всю мою изобрѣтательную силу, дабы Абдеритовъ заставить думать, говорить и поступать какъ можно глупѣе. Уже болѣе двухъ тысячь лѣтъ, какъ они всѣ померли и похоронены, говорилъ я самъ себѣ; не можетъ то вредить ни имъ, ни потомству ихъ; поелику и отъ сего

не осталось уже давно ни одной кости. Въ добавокъ ко всему тому присоединилось еще другое представленіе, которое понравилось мнѣ подъ видомъ добросердечія. Чѣмъ глупѣйшими представлю ихъ, думалъ я, тѣмъ менѣе буду опасаться, что Абдеритовъ почтутъ за *Сатиру*, и примѣнять станутъ къ такимъ людямъ, о которыхъ я и помышлять не могъ, поелику мнѣ бытіе ихъ совсѣмъ не извѣстно. Но я весьма *ошибся* въ моихъ заключеніяхъ. Слѣдствіе доказало, что я невиннымъ образомъ снялъ *портреты*, думая только живыми красками написать *фантазію*.

Признаться должно, что это былъ чувствительнѣйшій ударъ, которой могъ сдѣланъ быть Автору, не имѣвшему никакого коварства въ душѣ своей, и безъ намѣренія оскорбить кого либо, старавшемуся единственно прогнать скуку свою собственную и своихъ ближнихъ. Однако Сочинитель испыталъ оной ударъ еще при первыхъ главахъ своей Книжки. Нѣтъ можетъ быть ни одного города въ Германіи, и доколѣ предѣлы Нѣмецкаго нарѣчія простираются, гдѣбъ Абдериты не нашли Читателей; и гдѣ оные читаны, тамъ подбираемы были живые подлинники къ помѣщеннымъ въ оныхъ картинамъ. „Въ тысячи мѣстахъ (говоритъ писатель) гдѣ я никогда самъ не былъ,

ниже малѣйшее имѣю знакомство, удивлялись, почему я Абдеритовъ, Абдеританокъ и Абдеритства сихъ мѣстъ и краевъ коротко знаю; и думали, что я вообще либо веду тайную переписку, либо имѣю при себѣ какого нибудь кабинетнаго демона, приносящаго мнѣ Анекдоты, о коихъ я натуральнымъ образомъ не могъ бы провѣдать. Яжъ (продолжалъ онъ) ничего за подлинно столько не зналъ, какъ то, что не имѣлъ ни первой переписки, ни послѣдняго вѣстоваго: слѣдственно было яснѣе полуденнаго свѣта, что древнее племя Абдеритовъ не совсѣмъ вымерло, какъ то я воображалъ себѣ.„

Сїе открытїе заставило его прибѣгнуть къ справкамъ, кои онъ почиталъ не нужными, доколѣ при сочиненїи своемъ совѣтовался болѣе съ своею фантазїею и побужденїемъ, нежели съ исторїею и свидѣтельствами. Онъ рылся въ большихъ и малыхъ Книгахъ безъ особеннаго успѣха, пока наконецъ въ шестой декадѣ славнаго *Гафена Шлавкенбергїя* стр. 864, нашелъ слѣдующее мѣсто, которое по видимому подало ему нѣкоторую развязку на помянутыя неожидаемыя обстоятельства.

„Городъ Абдера во Өракїи (говоритъ Шлавкенбергїй въ приведенномъ мѣстѣ) нѣкогда великой, многолюдной, процвѣтав-

шій торговый городЪ, Ѳракійскія *Аѳины*, отчизна Протагорова и Демокритова, блаженная страна дураковЪ и лягушекЪ, сей прекрасной городЪ Абдера — болѣе не существуетЪ. Тщетно мы будемЪ искать онаго на ЛандкартахЪ и вЪ описаніяхЪ нынѣшней Ѳракіи; даже мѣсто, гдѣ Абдера нѣкогда стояла, теперь не извѣстно, или по крайней мѣрѣ означено быть можетЪ только по догадкамЪ. Но не такЪ Абдериты! сіи все еще продолжаютЪ жить, хотя древнія обители ихЪ давно на земли исчезли. Они неразрушимой, не вымирающій народЪ; не имѣя нигдѣ твердаго мѣстопребыванія, находятся повсюду; и хотя они между всѣми народами разсѣяны, однако до

сего дня сохранили себя въ чистотѣ безъ всякихъ чуждыхъ смѣшенiй, и наблюдаютъ древнiе свои Абдеритскiе обычаи и правила съ такою точностiю, что Абдерита, гдѣ его найдешь, надобно посмотрѣть только минуту, дабы столькожъ подлинно *видѣть* и *слышать*, что онъ Абдеритъ, сколько во Франкфуртѣ и въ Лейпцигѣ, въ Константинополѣ и въ Алеппо примѣтить можно Евреянина, что онъ Евреянинъ. Весьма странное обстоятельство, въ которомъ они отъ Израильтянъ, Бедуиковъ, Армянъ и всѣхъ другихъ не переродившихся народовъ существенно отличаются, есть то, что они не подвергаясь ни малѣйшей опасности совлещися своего *Абдеритства*,

мѣшаются со всѣми прочими обитателями земнаго круга, и не смотря на то, что они вездѣ говорятъ языкомъ того государства, въ которомъ живутъ, и имѣютъ правленіе, религію и обычаи общія *съ Неабдеритами*, также ѣдятъ и пьютъ, всѣ дѣла отправляютъ, *одѣваются и убираются*, причесываются и опрыскиваются благовонными духами, принимаютъ кровочистительныя, и употребляютъ клистиры, словомъ, во всемъ, что до потребностей человѣческой жизни принадлежитъ, поступаютъ почти также какъ и другіе люди — что они, говорю, во всемъ, что ихъ дѣлаетъ Абдеритами, сами на себя толь не измѣняемо остаются похожими, какъ

будтобъ изстари алмазною стѣною втрое выше и толще стѣнъ древняго Вавилона отдѣлены были отъ разумныхъ тварей на нашей Планетѣ. Всѣ другiе роды людей измѣняются переселенiемъ, и два разные рода посредствомъ смѣшенiя производятъ третiй. Но въ Абдеритахъ, куда они ни были переселяемы, и сколько ни смѣшивались съ другими народами, никогда не можно было примѣтить ни малѣйшей существенной перемѣны. Они всѣ еще тѣже самые дураки, какими за двѣ тысячи лѣтъ въ Абдерѣ были; и хотя уже съ давнаго времени не льзя сказать: здѣсь или тамъ Абдера: однако въ Европѣ, Азiи, Африкѣ и Америкѣ, съ тѣхъ поръ какъ въ

сихъ четырехъ частяхъ свѣта существуютъ благоучрежденныя государства, нѣтъ ни одного города, села, деревни, мѣстечка, гдѣбъ не находилось по нѣскольку членовъ сего невидимаго общества." Доселѣ помянутой *Гафенъ Шлавкенбергій*.

„По прочтенїи сего мѣста, продолжаетъ нашъ Писатель, получилъ я вдругъ *ключь* къ вышеприведеннымъ опытамъ, кои мнѣ съ перваго взгляду показались толь неизъяснимыми; и какъ Шлавкенбергїево увѣдомленїе растолковало приключенїя мои между Абдеритами, такъ напротивъ того сїи приключенїя подтвердили достовѣрность перваго. Почему Абдериты оставили племя, возник-

шее во всѣхъ земляхъ и распространившееся въ весьма многолюдномъ потомствѣ; и поелику почти вездѣ характеры и приключенія *древнихъ* Абдеритовъ признаны списанными картинами и анекдотами Абдеритовъ *новыхъ*: то и оказалось чудное свойство единообразія и неизмѣняемости, которыя сей народъ, по вышепомянутому свидѣтельству, отличаютъ отъ другихъ народовъ твердой земли и острововъ морскихъ. Извѣстія о томъ, до меня изо всѣхъ мѣстъ дошедшія, послужили мнѣ по двоякой причинѣ къ великому утѣшенію; во первыхъ потому, что я вдругъ почувствовалъ облегченіе отъ всякой внутренней укоризны, не всклепалъ ли я на Абдери-

товЪ можетЪ быть слишкомЪ много; а во вторыхЪ, поелику я узналЪ, что сочиненїе мое читано вездѣ сЪ удовольствїемЪ, даже и самими Абдеритами, и вЪ ономЪ особенно удивлялись точному между старыми и новыми Абдеритами *сходству*, которое послѣднимЪ, яко очевидное доказательство подлинности ихЪ поколѣнїя; всеконечно долженствовало быть весьма лестно. Не многїе, кои жаловались на то, что будто они слишкомЪ изображены *точь вЪ точь*, не могутЪ дѣйствительно уважены быть вЪ разсужденїи множества довольныхЪ; да и сїи не многїе можетЪ быть поступили бы лучше, естьлибЪ себя не обнаруживали и молчали. Ибо, естьли они, по ви-

димому, не хотятъ слыть тѣмъ, чѣмъ они суть, и потому одѣваются въ кожу какого нибудь благороднѣйшаго звѣря: то благоразумїе требуетъ, чтобъ они ушей своихъ не выставляли сами, дабы не обратить на себя вниманїя, которое могло бы сопровождаться не въ ихъ пользу„

„Съ другой же стороны то обстоятельство, что я исторїю древнихъ Абдеритовъ писалъ такъ сказать при глазахъ Абдеритовъ новыхъ, побудило меня, нѣсколько обуздать силу воображенїя, которую сначала я предоставилъ было единственно ея произволу, тщательно остерегаться отъ всѣхъ увеличивающихъ недостатки и

пороки картинъ, и Абдеритамъ во всемъ, что я повѣствовалъ о нихъ, отдать строжайшую справедливость. Ибо я видѣлъ себя тогда повѣствователемъ древностей процвѣтающей еще и по нынѣ фамилiи, которая имѣлабы право, взыскать на мнѣ, естьлибъ ея предкамъ вмѣнено было что либо безъ основанiя и противъ истинны „

И такъ исторiя Абдеритовъ по довольной причинѣ можетъ почитаема быть за подлиннѣйшую и несомнительнѣйшую, а потому самому и вѣрнымъ зеркаломъ, въ которомъ новѣйшiе Абдериты могутъ смотрѣться, и естьли хотятъ только противъ самихъ себя быть справедливыми, откры-

вать съ точностію, сколько они уподобляются своимъ предкамъ. Весьма бы излишно было распространяться во многихъ словахъ о пользѣ, каковую настоящее сочиненіе въ семъ отношеніи производить можетъ и долженствуетъ до тѣхъ поръ, пока еще находиться будутъ Абдериты — а сіе уповательно продлится на долго. И такъ мы замѣтимъ только, что оное сочиненіе мимоходомъ можетъ принести и ту пользу, что потомковъ древнихъ Германцовъ между нами сдѣлаетъ осторожнѣе въ избѣжаніи всего могущаго возбудить подозрѣніе, будтобъ они либо происходятъ отъ Абдеритской крови, либо стараются, по чрезмѣрному удивленію обычаямъ и

искусствамЪ АбдеритовЪ, и слѣдственно по проистекающей оттуда непреодолимой охотѣ кЪ подражанїю, сами отЪ себя походить на оной народЪ, вЪ которомЪ случаѣ они по многимЪ причинамЪ мало бы прїобрѣли себѣ выгодЪ.

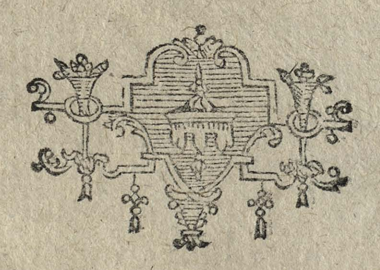
И вотЪ, благосклонные Читатели, обѣщанной вамЪ ключь кЪ сей достопримѣчательной оригинальной Книгѣ, сЪ увѣренїемЪ при томЪ, что нѣтЪ вЪ ней ни малѣйшаго тайнаго ковчежца, котораго бы вы не могли отперетъ ключемЪ симЪ; естьлижЪ бы кто нибудь захотѣлЪ вамЪ прошептать на ухо, что будто бы вЪ оной Книгѣ сокрыто еще болѣе, то можете непремѣнно принять слѣдующее:

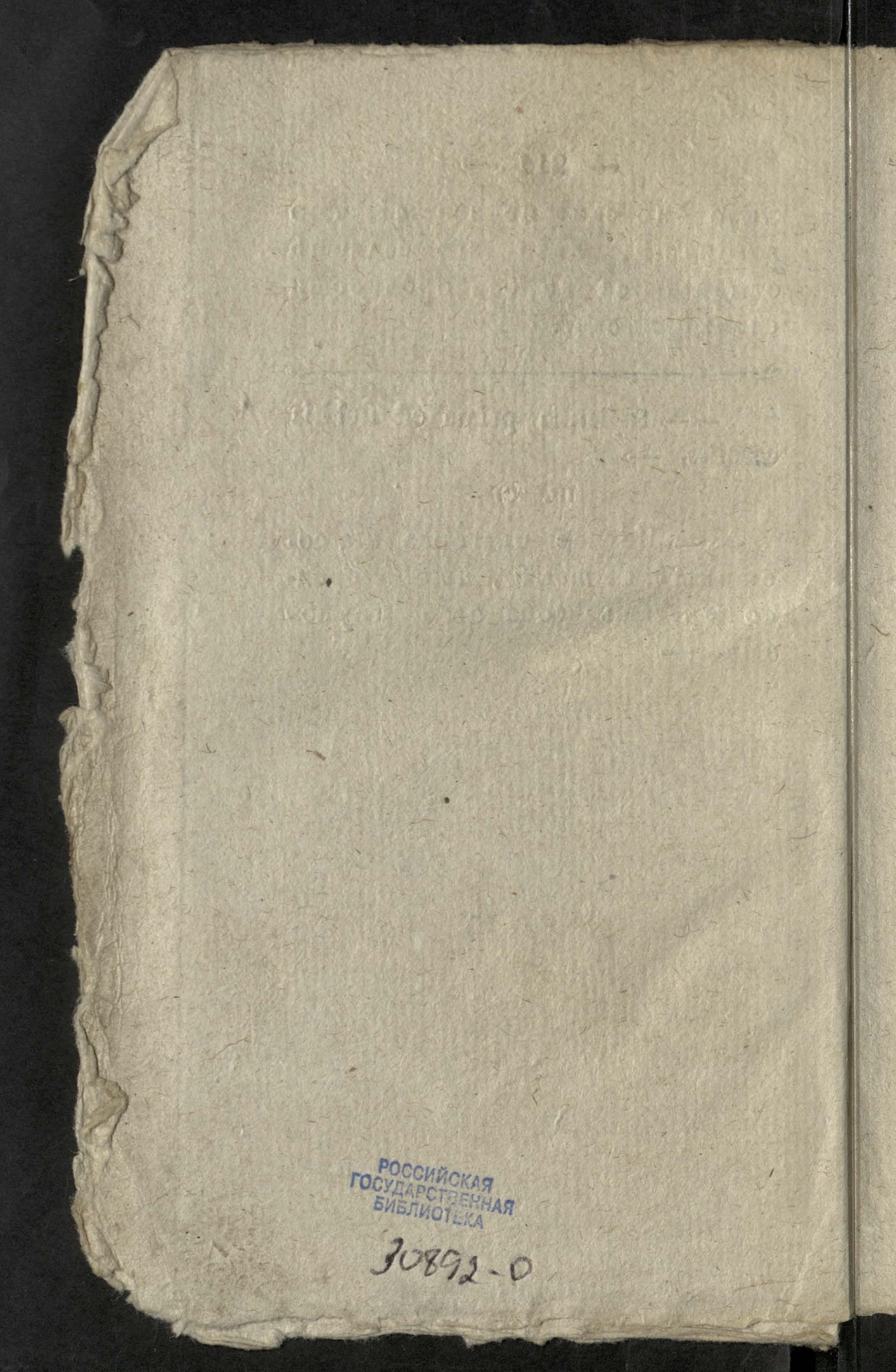
либо онъ самъ не знаетъ, что говоритъ, либо заставляетъ сомнѣваться въ безпорочности своихъ мыслей.

— — Sapientia prima est stultitia caruisse. —

т. е.

— — Первое благоразумїе состоитъ въ томъ, чтобъ предостерегать себя отъ глупости. —

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
30892-0

